

МЭРИ СТЕЙН

АБСОЛЮТ
Черные лилии

18+

Мэри Стейн

Абсолют. Черные лилии

<https://litres.ru/73892678>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Нессира Торн. Я — дочь простого кузнеца из Брин-Мира. Мои руки привыкли к раскалённой стали, а не к изяществу дворцовых интриг. Но один заказ Верховного Генерала изменил всё. Теперь мой мир пахнет озоном и предчувствием катастрофы, а коридоры Академии Кер-Морант стали моей новой реальностью.

Он — Дикий Шторм Империи, человек, чьё имя шепчут со страхом. Я — та, кто слышит пение металла и хранит тайну, способную разрушить основы этого мира. Пока Гроссмейстеры ведут свою вековую игру, я тону в его шторме, забывая, где заканчивается долг и начинается губительное притяжение.

Говорят, я — Ключ. Но что, если правда, скрытая за дверями Бездны, страшнее самой смерти?

Здесь нет случайных слов и взглядов. Каждое действие имеет значение, которое раскроется лишь тем, кто умеет смотреть вглубь. Это многослойная история о власти, предательстве и любви, от которой закипает кровь.

Содержание

Пролог. Теневой Совет Богов	4
Глава 1. Сон из пепла и стали	8
Глава 2. Погибель	17
Интерлюдия: Пробуждение Пустоты	26
Глава 3. Шелк, сталь и ленты	29
Глава 4. Железная Марта	46
Глава 5. Ужин с острыми углами	59
Глава 6. Старые шрамы	73
Глава 7. Под маской «Опала»	78
Глава 8. Порог Кер-Моранта	88
8.2. Храм Первородных	94
8.3. Второй уровень	101
8.	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Мэри Стейн

Абсолют. Черные лилии

Пролог. Теневой Совет Богов

Брин-Мир спал под тяжелым одеялом тумана. Единственным местом, где горел огонь, была кузница Стерна. Но этот огонь сегодня был не красным, а странным — лазурным.

Стерн стоял у наковальни, его огромные руки были скрещены на груди. Он не ковал. Он ждал.

Двери кузницы не просто открылись — они поддались под натиском силы, которой не место в мире смертных. В помещение вошли двое, и само пространство вокруг них начало стонать, не выдерживая плотности их присутствия.

Первый двигался плавно, почти бесшумно, но его окутывала аура такого ледяного, расчетливого контроля, что пламя в горне испуганно пригнулось к углям. Его кожаный плащ шелестел по полу, точно крылья гигантского хищника, а воздух в радиусе нескольких метров начал вибрировать от невидимых ментальных токов, способных переписать саму реальность. Его взгляд, пронзающий полумрак, не просто смотрел — он препарировал само время.

Второй вошел следом, и каждый его шаг отдавался тяжелым, утробным эхом, от которого зазвенели все подвешенные на стенах заготовки мечей. Это был звук идущей катастрофы. Вокруг него клубилось нечто, похожее на ослепительно белый туман, поглощающий тени, а за его спиной ощущалась тяжесть оружия, способного разрубать миры. От него веяло первобытной, беспощадной мощью — той самой, что заставляет саму Смерть отступить в сторону, освобождая дорогу.

Они встали напротив Стерна, и три колоссальных источника силы вошли в резонанс, превращая маленькую кузницу в эпицентр грядущего апокалипсиса.

— Триста лет... — пробасил второй, и его ярко-серые пустые глаза сфокусировались на Стерне. — Ты всё такой же огромный и угрюмый, Генерал.

— А ты всё такой же шумный, — Стерн даже не шелохнулся. Его незыблемая мощь заполнила пространство кузницы, сталкиваясь с белым туманом. — Я чувствовал ваши «нити» еще на подходе к деревне.

Первый лениво оперся плечом о дверной косяк, и его ярко-зеленые глаза вспыхнули в полумраке. Он окинул взглядом кузницу, и на его губах появилась саркастичная полуулыбка.

— Прекрасная маскировка, Стерн. Настолько скучно, что даже у меня сводит зубы. Но мы здесь не ради воспоминаний.

Он сделал шаг вперед, и его голос стал серьезным:

— Она проснулась. Мы почувствовали. — Заказ уже на пути к тебе, — произнес он, и его голос прозвучал как шелест страниц древней книги, в которую вписывают последнюю, решающую главу. — Я лично позаботился о том, чтобы искали именно эту сталь и воронью кожу с Северных Утесов.

Стерн наконец опустил руки и подошел к ним. Трое мужчин встали в круг вокруг наковальни — те самые, кто триста лет назад решали судьбу мира.

— Она не просто проснулась, — Стерн посмотрел на своих старых братьев по оружию. — Она — Валориан до мозга костей. Её магия металла чище, чем была у её отца, только пока она об этом не знает.

— Это опасно, — отрезал второй, и знаки на его лице на мгновение вспыхнули белым пламенем. — Моё «Белое Безумие» может скрыть её на время, но не навсегда.

— Именно поэтому она пойдет в Академию, — Первый посмотрел на Стерна — Касвиан сделает её Тенью. Мы будем наблюдать. Я выстрою вокруг неё ментальный лабиринт, белоглазый обеспечит физическую защиту из теней. Мы дадим ей время перековать этот мир.

Стерн тяжело вздохнул.

— Вы просите меня отдать её волкам.

— Нет, — Первый посмотрел Стерну прямо в глаза, и его изумрудное сияние стало абсолютным. — Мы просим тебя позволить ей стать тем, ради чего ты её спасал.

Стерн долго молчал, а затем медленно кивнул.

— Хорошо. Но если хоть один волос упадет с её головы по вине твоего «Порядка», или твоего «Безумия»... я перекую ваши мечи в садовые лопаты.

Второй коротко расхохотался:

— Всё такой же сентиментальный старик! Не бойся. Мы присмотрим за ней. Она даже не узнает, что Боги-Генералы снова вышли на охоту.

Глава 1. Сон из пепла и стали

Во сне всегда стояла мертвая тишина. Я видела свои ладони — маленькие, без мозолей от молота и сажи, руки ребенка. Я стояла на бесконечной дороге из черного камня, а по обе стороны от меня, насколько хватало моих детских глаз, застыли безмолвные легионы. Бесчисленные воины в доспехах цвета запекшейся крови, их копья пронзали серое небо, словно бесконечный стальной лес.

Они не шевелились...

Они не дышали...

Они ждали...

Впереди, над шпилями величественного замка, который казался высеченным из самой ночи, раскинул крылья Тот, кто был древнее самих гор. Его силуэт закрывал бледное солнце, а огромные крылья дрожали, готовясь обрушиться на мир бурю. Я чувствовала, как от этого исполина исходит зов — мощный, вибрирующий, тянущий меня за собой в эту пугающую бездну величия.

Я сделала шаг вперед, и в ту же секунду сотни тысяч копий одновременно ударили в камни мостовой. Грохот был такой силы, что небо расколосось...

Я резко открыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле, а ладони были влажными от пота.

Грохот копий из моего сна всё еще вибрировал в ушах, но перед глазами был лишь знакомый потолок из потемневшего от времени дуба.

Я лежала в своей комнате на втором этаже их дома. Сквозь неплотно задвинутые ставни пробивался бледный утренний свет, выхватывая пылинки, танцующие в воздухе. В доме было тихо, если не считать уютного поскрипывания половиц — наверняка Лия и Лана уже проснулись и хлопчут внизу, готовя завтрак.

Я села на кровати, свесив ноги. Половицы отозвались знакомым коротким скрипом. Из окна, выходящего на задний двор, доносился первый, еще неспешный звон металла. Кузня стояла всего в паре десятков шагов от дома, и отец, как обычно, уже был на ногах. Ритмичный «дзынь-дзынь» молота о наковальню был для меня лучшим лекарством от ночных кошмаров. Здесь, в этой деревне, всё было понятным и осязаемым. Здесь я была просто Нес, дочерью мастера.

Я провела ладонью по лицу, пытаясь стереть остатки сна. Тень огромных крыльев всё еще стояла перед глазами, но запах свежего хлеба снизу и родной гул кузни за окном заставляли верить, что это лишь игра воображения.

— Всего лишь сон, — прошептала я, вставая.

Я плеснула в лицо ледяной водой из кувшина. Холод помог окончательно отогнать остатки черного тумана, который всё еще пытался затянуть её обратно в сон. Я подняла голову, глядя на своё отражение в небольшом мутном зеркальце

над умывальником.

На меня смотрело лицо, которое казалось слишком изящным для закопченной деревенской кузницы. Кожа, бледная и чистая, как дорогой фарфор, сейчас была влажной от воды, а на щеках играл легкий румянец. Но главной моей особенностью были глаза — пронзительно-голубые, словно два ярких сапфира, в которых, казалось, застыл свет ясного неба.

Я надела своё простое платье из бежевого льна с пышными рукавами. Мои густые темные волосы, длинными волнами спадающие ниже талии, всё ещё хранили едва уловимый запах древесного дыма и раскаленного металла. Я привычно и быстро перехватила их, заплетая в тугую косу — так они не мешали ни у печи, ни за горном. Поверх платья я затянула коричневый кожаный корсет на шнуровке. Он не только защищал одежду и поддерживал спину при тяжелой работе, но и подчеркивал мою тонкую, изящную фигуру, придавая ей сходство с хрупкой, но смертоносной статуэткой, выкованной из самой лучшей стали.

На кухне уже вовсю кипела жизнь. Запах жареного хлеба и свежих трав наполнял дом. Лия и Лана, словно два солнечных зайчика, порхали между печью и столом.

Лия, заметив меня, тут же отставила кувшин с молоком и подошла ближе. Она заглянула в мои глаза, легонько коснувшись моего плеча:

— Ты не выпалась? Плохо спала, родная? — в её голосе было столько нежности, что мне на мгновение захотелось

уткнуться ей в плечо и рассказать всё про черные крылья и стальной лес.

Лана, стоявшая у стола, на секунду замерла. Она внимательно посмотрела на меня, и на мгновение её губы слегка сжались, а в глазах промелькнуло что-то странное — знание, которое она не решалась озвучить. Но в следующий миг она просияла и улыбнулась так широко, будто они не виделись несколько лет:

— Садись скорее, всё уже почти остыло!

Я отвела взгляд, стараясь не выдать дрожь в руках.

— Просто сон плохой, — коротко ответила я, опуская глаза и занимая своё место за столом. — Ничего особенного. Просто тени и шум...

Я знала, что Лана что-то почувствовала. Сестры всегда чувствовали меня лучше, чем я сама.

Лана высунулась в окно, ведущее во двор, и звонко крикнула:

— Папа, завтрак! Всё на столе!

Через минуту на пороге появился отец. Он казался огромным, заполняя собой дверной проем. От него исходил запах раскаленного металла и древесного угля. Вытерев руки о грубый фартук, он занял свое место во главе стола. Дом сразу наполнился его спокойной, тяжелой силой.

Отец не спешил начинать еду. Он внимательно посмотрел на меня, подмечая и опущенные плечи, и то, как я избегаю его взгляда.

— Дочка, что такое? — его голос, обычно гулкий, сейчас звучал тихо и заботливо.

Я с грустью подняла глаза. На мгновение мне показалось, что если я расскажу правду, стены нашего уютного дома просто рухнут под тяжестью того, что я видела во сне. Но, встретившись взглядом с отцом, я заставила себя улыбнуться:

— Ничего, папа. Просто плохой сон приснился.

Отец чуть склонил голову, его взгляд потеплел, а в уголках глаз собрались хорошие морщинки. Он слегка улыбнулся, пытаясь разрядить обстановку:

— Опять соседские мальчишки рассказали ужасов? — он подмигнул Лии и Лане. — Вчера видел, как они шептались у колодца. Видимо, старый Бернард снова расщедрился на сказки о лесных духах.

Лия и Лана негромко рассмеялись, поддерживая отца, но я заметила, как на долю секунды пальцы отца крепче сжали край стола. Он знал. Он понимал, что Бернард и мальчишки тут ни при чем.

Отец медленно отложил тяжелую деревянную ложку, и звук, с которым она коснулась края тарелки, показался в наступившей тишине оглушительным. Он полностью развернулся к дочери, и его массивная фигура за этим круглым большим деревянным столом будто стала еще внушительнее.

Этот стол, сбитый отцом из цельных пластов дуба много лет назад, повидал немало семейных ужинов, но сейчас он казался границей между их привычным миром и чем-то пу-

гающим. Отец смотрел на меня пристально, его серые глаза, обычно скрытые за пеленой усталости от жара горна, сейчас светились странной, сосредоточенной силой.

— Расскажешь, милая? — тихо, почти шепотом попросил он, и в этом вопросе не было ни тени сомнения или насмешки.

Лия и Лана, сидевшие по обе стороны от меня, затаили дыхание. Они не сводили глаз с отца, и в этом треугольнике взглядов повисло негласное понимание: время сказок кончилось. Отец ждал не просто описания сна — он ждал подтверждения своих самых больших опасений. Я почувствовала, как тепловая волна от печи за спиной внезапно сменилась ледяным сквозняком, и, глядя в серьезное лицо отца, начала говорить.

Я сцепила пальцы в замок и положила их на неровную, пахнущую воском поверхность стола. Я смотрела на свои ладони — тонкие, с первыми мозолями от молота, — и видела в них те самые маленькие ручки ребенка из своего сна.

Глубоко вздохнув, я начала свой монолог:

— Папа, там всё было не так, как здесь. Там не было солнца... только вечные, тяжёлые сумерки, и небо такое низкое, будто оно само было сделано из свинца. Я стояла на дороге, которая уходила за горизонт, и камни под моими ногами были холодными и черными, как застывшая кровь.

Я на секунду замолчала, мой голос стал тише и резче, в нём прорезалась та самая сталь, которую отец так долго во

мне закалял:

— По обе стороны от меня, насколько хватало глаз, стояли они. Не десятки, не сотни, папа — бесконечные легионы воинов в доспехах цвета запекшейся крови. Они замерли, словно статуи, их копья пронзали мглу, создавая целый лес из острой стали. Они не дышали, не шевелились, но я чувствовала, как их взгляды жгут мне спину. Они чего-то ждали.

Я подняла глаза на отца, и в моих зрачках на мгновение отразился тот самый багровый свет:

— А впереди, над шпилями замка, который казался высеченным из цельной скалы, раскинул крылья Тот, кто был древнее самой жизни. Огромный черный дракон. Его силуэт закрывал собой остатки света, а крылья дрожали, словно готовясь обрушить небо на землю. Он не рычал — он звал меня, и этот зов вибрировал в моих костях. Я сделала всего один шаг... и в тот же миг сотни тысяч копий одновременно ударили в камни мостовой. Грохот был такой силы, что мир просто раскололся. И от этого звука я проснулась.

В кухне повисла такая тишина, что было слышно, как в саду жужжит пчела. Лана и Лия сидели неподвижно, их глаза были полны невыразимой грусти и боли. Они смотрели на отца, и в этом взгляде читалось: *«Это началось. Наша Нес уходит»*.

Стерн на секунду невольно сжал челюсть, так что на скулах заиграли желваки. Его огромная рука, лежащая на сто-

ле, на мгновение сжалась в кулак, но он тут же заставил себя расслабиться. Он посмотрел на меня, и в его взгляде на долю секунды промелькнуло признание — он видел во мне не дочку кузнеца.

Но затем он мягко улыбнулся, и эта улыбка была самой трудной в его жизни:

— Милая, это всего лишь сон, — произнес он, накрывая её ладони своими. — Надо сказать Бернаруду, чтобы больше не читал свои старые фолианты вам. Совсем старик из ума выжил, забивает молодым девушкам головы древними небылицами. Сталь и работа — вот что вылечит твою голову.

Он встал, и стул под его весом жалобно скрипнул.

— Допивай молоко. Жду тебя в кузнице через десять минут.

Лия и Лана принялись за дело с нарочитой бодростью, которая бывает только тогда, когда пытаешься заглушить тревогу суетой. Зазвенела посуда, Лана, стараясь придать голосу легкость, заговорила о новом платье — небесно-голубом, с вышивкой по подолу, которое она видела у торговца в прошлом месяце. Лия тут же подхватила, обсуждая фасон и ленты, и их голоса заполнили кухню привычным девичьим щебетом.

Я сидела неподвижно, глядя в одну точку на столе, пока сестры не подошли ко мне. Они окружили меня с двух сторон, обняв так крепко и искренне, что холод сна на мгновение отступил.

— Несси, это всего лишь сон, — мягко сказала Лана, прижимаясь щекой к моему плечу. — Нам просто нужно поменьше ходить к Бернарду, а то следующий твой сон будет про диких виверн и призраков. Мы тогда всей деревней не уснем от твоих криков!

Они звонко и весело рассмеялись — этот смех был чистым, как колокольчик, и на мгновение мне показалось, что мир снова стал прежним. Я слабо улыбнулась, чувствуя тепло их рук.

— Я пойду в кузню, — сказала я, высвобождаясь из объятий и поднимаясь со стула. — У отца новый заказ, нужно помочь. Сталь не ждет, пока я разберусь со своими кошмарами.

Я вышла из дома, чувствуя на спине их любящие взгляды. Как только дверь за ней закрылась, смех в доме мгновенно стих. Лия и Лана остались стоять посреди кухни, глядя на закрытую дверь, и их улыбки растаяли, оставив на лицах только немую, взрослую печаль.

Глава 2. Погибель

В кузнице воздух был настолько густым и жарким, что его, казалось, можно было резать ножом. Я переступила порог, и привычный запах жженого угля и разогретой стали окутал меня, вытесняя остатки утренней прохлады.

Отец уже был за работой. Его мощная спина, вздрагивающая при каждом движении, заслоняла свет горна. Он не обернулся на звук моих шагов — в этой кузнице мы понимали друг друга без слов, по ритму дыхания и звону инструментов.

— Подойди, Несс, — гулко произнес он, не отрываясь от заготовки. — Сегодня у нас не просто плуги да подковы. Заказ из самого города, от аристократа. Меч в подарок генералу армии. Слышала бы ты, сколько требований...

Я подошла ближе, заглядывая через плечо отца. На наковальне лежал брусок первоклассной стали, который под ударами отца уже начинал обретать хищные очертания будущего клинка.

— Должен быть не просто красивым, а безупречным, — продолжал отец, наконец выпрямляясь и вытирая пот со лба. — Крепкий, как скала, но легкий, как перышко. Рукоять будет обтянута чёрной вороньей кожей, — Отец выделил каждое слово, словно вбивал гвозди. — Она даст хватку, кото-

рую не сорвёт ни пот, ни кровь. Этот меч не должен быть просто инструментом. Он обязан стать продолжением руки генерала, его воли и его гнева. Когда он обнажит клинок, противник должен умирать уже от одного только взгляда на сталь.

Я перевела взгляд на верстак, где в небольшом ларце лежал отрез кожи — угольно-черный, с едва заметным матовым блеском, напоминающим крыло той самой огромной тени из её сна. Я подошла и осторожно коснулась материала кончиками пальцев. Кожа была прохладной и на удивление шершавой, будто всё ещё хранила в себе память о холодном ветре и бесконечных полетах.

— Воронья кожа... — прошептала я. — Она выглядит так, будто поглощает свет, а не отражает его. Красиво и жутко одновременно.

— Для воина в самый раз, — хмыкнул отец, возвращаясь к наковальне. — В бою нет места лишнему блеску. Ладно, хватит любоваться. Берись за мехи, дочка. Чтобы сталь стала легендой, её нужно напитать жаром и нашей волей.

Я заняла своё место. Ритмичные движения рычага мехов заставили пламя в горне взреветь, окрашивая лицо и ярко-голубые глаза в багровые тона. Я смотрела на раскаленный металл, и мне казалось, что под слоем окарины пульсирует что-то живое — что-то, что откликается на мой пульс, на моё дыхание, на саму мою суть.

В какой-то момент, когда отец на мгновение отвлёкся, я

коснулась щипцами заготовки, и мне почудилось, что металл поддался моему желанию стать чуть более гибким, чуть более острым. Дыхание перехватило, перед глазами на секунду потемнело — и я быстро отдернула руку, испугавшись этого чувства.

— Что такое? — отец моментально заметил её заминку.

— Ничего, пап, — я тряхнула головой, отгоняя наваждение. — Просто жар сегодня какой-то... особенный. Словно сталь сама просит удара.

Отец промолчал, но его взгляд стал еще более сосредоточенным. Он знал, что это не жар особенный.

Когда отец начал финальную протяжку лезвия, я почувствовала, как по моим рукам, от самых кончиков пальцев до плеч, пробежала странная дрожь. Это не был жар от горна — это был гул самой стали.

Я смотрела на матовую поверхность клинка, и мне казалось, что я вижу его «нервную систему» — тончайшие переплетения магических потоков, которые вбивал в него отец. Но этого было мало. Меч казался мне «пустым», как тело без души.

— Он должен дышать... — прошептала я так тихо, что отец не услышал.

Я не знала заклинаний. Я просто потянулась к стали всем своим существом, как тянутся к старому другу. В ту же секунду всё изменилось. В моих ярко-голубых глазах вспыхнул свет, который я сама не осознавала, и моя внутренняя

сила, не встречая сопротивления, хлынула в клинок.

Я почувствовала это как электрический разряд.

Металл под моей ладонью, которую я держала в дюйме от заготовки, внезапно откликнулся. Он перестал быть холодным и безжизненным. Сталь запульсировала, впитывая мою энергию, как губка. Я видела, как по черной поверхности клинка прошла едва заметная волна, похожая на рябь на воде, и матовый блеск стал глубже, словно засасывая в себя весь свет в кузнице.

Когда отец начал обтягивать рукоять вороньей кожей, я снова «потянулась» к мечу. И кожа, под моим неосознанным воздействием, не просто легла на дерево — она слилась со сталью. Я чувствовала каждый бугорок на чешуйчатой коже ворона, будто это была моя собственная кожа.

Меч «ответил» ей короткой, острой вибрацией удовольствия. Теперь это было не просто оружие — это был хищник, который признал во мне свою создательницу.

— Папа, посмотри... — выдохнула я, отстраняясь. Мои руки слегка дрожали, а в голове немного шумело от этого странного единения с металлом. — Он больше не молчит. Он ждет.

Отец посмотрел на меч, затем на меня. Он видел, что я сделала. Для меня это было так же естественно, как дышать.

— Ты наделила его характером, Нес, — глухо сказал он, бережно заворачивая меч в ткань. — Но помни: тот, кто будет владеть этим мечом, умеет приручать даже самых диких

зверей. И теперь этот меч — его самый опасный питомец.

Я вышла из кузницы вслед за отцом. Жар горна всё еще пылал на моих щеках, а в ладонях жило странное покалывание — эхо моего общения с мечом. Голос Ланы, звонкий и чистый, разнесся по двору, приглашая к обеду, и этот звук на мгновение вернул меня в реальность.

Я невольно замедлила шаг, глядя на наш двухэтажный деревянный дом. Он стоял, крепко вросший в землю, с потемневшими от дождей бревенчатыми стенами и резными наличниками, которые отец вырезал сам. Этот дом казался мне самым надежным местом во вселенной, живым существом, которое долгие годы хранило наш покой. Мне вдруг захотелось запомнить этот миг — как пахнет трава после полуденного солнца, как смеётся Лана, как отец щурится на свет.

На пороге, залитом полуденным солнцем, стояла Лана. Она счастливо улыбалась, придерживая рукой подол светлого платья. Лана была воплощением летнего утра: её золотистые волосы рассыпались по плечам, а в глазах всегда плясали искорки смеха. Она была хрупкой и воздушной, словно её создали не из плоти, а из солнечного света и цветочной пыльцы.

Чуть поодаль, в небольшом саду, Лия бережно собирала цветы с грядки. Она была так похожа на Лану, но в её движениях было больше спокойствия и какой-то тихой, земной мудрости. Её светлые косы были аккуратно уложены, а лицо, освещенное солнцем, казалось ликом со старинной ико-

ны, которой поклоняются в сельских храмах. Лия подняла голову и, увидев меня, тепло улыбнулась, прижимая к груди охапку ярких астр.

Впереди них, загораживая собой полнеба, шел отец. Глядя на него со спины, я чувствовала благоговейный трепет. Он был монументален, как скала. Его широкие плечи, покрытые старыми шрамами, и мощные руки казались вылитыми из той самой стали, которую он ковал. Его седые волосы, собранные в короткий хвост, серебрились на солнце, а каждый шаг был тяжелым и уверенным. Отец был фундаментом нашей семьи, защитой и силой.

Я смотрела на них — на золотистых сестер и стального отца — и моё сердце внезапно сжалось от предчувствия. Они были так прекрасны в этот момент, такие живые и настоящие.

— Несс, ну чего ты застыла? — Лана весело помахала ей рукой. — Иди скорее, пирог уже на столе!

Я заставила себя улыбнуться и ускорила шаг, пытаясь отогнать холодную тень, которая на мгновение коснулась моей души.

За круглым большим столом царило редкое оживление. Солнечный свет падал сквозь распахнутое окно, играя на глиняных тарелках и золотистых косах Лии и Ланы. Отец, только что пришедший из кузницы, вытирал свои натруженные ладони полотенцем. Его суровое лицо в этот момент светилось спокойствием, которое я всегда находила самым на-

дежным в мире.

— Девочки, завтра на рассвете мы все отправляемся в город, — прогудел отец, усаживаясь во главе стола. — Мне нужно доставить заказ для Генерала... Заодно сходим на Большой рынок, присмотрим вам обновки.

На мгновение в кухне повисла тишина, а затем Лия и Лана буквально засияли, словно два солнца. Радость была такой искренней, что даже воздух в комнате будто стал теплее.

— В город! Папа, правда? — Лана всплеснула руками, и её глаза наполнились восторженным блеском. — Мы сможем увидеть те самые лавки с кружевами и Большой фонтан?

Лия, хоть и старалась казаться степеннее, не могла скрыть счастливой улыбки, глядя на отца. Она уже представляла себе ряды с редкими семенами и тонкими тканями, о которых в их деревне можно было только мечтать.

— Несси, тебе бы тоже платье новое купить, — Лана обернулась ко мне, сияя от предвкушения. — Хватит тебе ходить в коже и саже, пора и нам стать городскими дамами на денек!

Я, всё ещё ощущая в кончиках пальцев странное покалывание после работы над мечом, посмотрела на своих счастливых сестер. Тяжесть ночного сна окончательно отступила перед этим простым семейным счастьем. Я радостно улыбнулась отцу, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Да, с удовольствием, — ответила я — Думаю, мне не помешает немного шелка вместо стали, хотя бы на время прогулки.

Я чуть наклонила голову, и одна тёмная прядь выскользнула из моей косы, коснувшись щеки. Я вспомнила то странное чувство, когда металл ожил под моими пальцами, и чёрную воронью кожу, которая будто сама просилась на рукоять. Ощущение было слишком сильным, чтобы просто отмахнуться от него.

— Папа, а кто этот Генерал? — спросила я, и мой голос прозвучал неожиданно серьёзно на фоне весёлого щебета сестёр. — Я не слышала о нём ничего... Хотя, почему я должна была слышать?

Отец на мгновение замер, удерживая кружку с молоком у самых губ. Он медленно опустил её на стол, и мне показалось, что в его серых глазах на долю секунды отразилась та самая суровость, которую он обычно оставлял за порогом кузницы.

Лия и Лана тоже притихли, переводя взгляд с меня на отца. Для них Генерал был просто важным именем на дорогом заказе, но мой вопрос заставил их почувствовать невидимую тяжесть, исходящую от этого имени.

Отец неторопливо вытер губы, собираясь с мыслями.

— Генерал не из тех, кто любит, чтобы о нём судачили на каждом перекрёстке, Несс, — прогудел он, и в его голосе послышались нотки глубокого, почтительного уважения. — Он — Тень Короны. Человек, который наводит порядок там, где бессильны законы. Ты не слышала о нём, потому что в нашей глуши новости о столичных чинах — редкий гость.

Но поверь, его имя знает каждый, кто хоть раз держал в руках настоящий боевой клинок.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и я почувствовала, как моя магия металла внутри снова отозвалась коротким, холодным импульсом.

— Это честный заказ для честного воина, — добавил отец, принужденно улыбнувшись. — А теперь хватит о политике. У нас впереди день покупок и прогулок. Лана, кажется, ты говорила что-то про пироги с корицей на Большом рынке?

Интерлюдия: Пробуждение Пустоты

В самом сердце Великого Разлома, там, где время замирает и превращается в вязкую серую жижу, царила мёртвая тишина. Это было его царство — мир застывшего гниения и вечного пепла.

Триста лет он был лишь тенью самого себя. Его сущность, когда-то жадная до власти, растеклась по дну Бездны пульсирующим сгустком чёрной лимфы. Он не дышал, не осознавал себя — он просто был, впитывая в себя ненависть и застои каждой капли Мрети, как губка. Его сознание напоминало мутное зеркало, в котором отражалась лишь пустота.

Это не был гром. Это был Импульс. Тонкая, ослепительно-чистая лазурная нить прошла серым смрад Разлома, коснувшись самого центра его искажённой материи.

Поверхность бездонного озера Мрети пошла рябью. Гнилая материя начала стремительно сжиматься, уплотняться, обретая очертания. Пустая оболочка, триста лет валявшаяся среди костей, вдруг наполнилась ядовитым смыслом.

Он не открыл глаз — у него их всё ещё не было в привычном смысле. Но внутри его «головы», под зазубренным обсидиановым венцом, вспыхнули две крошечные, мертвен-

но-белые точки.

— Ис-с-скра... — этот шёпот не прозвучал, он провибрировал сквозь камни Разлома, заставляя Снулых в ужасе вжаться в щели скал.

Он почувствовал её. Маленькую, неопытную, но до боли знакомую. Это был вкус Истока. Вкус той самой жизни, которую он когда-то хотел подчинить и которая в итоге низвергла его в этот ад.

Медленно, с трудом, он поднял руку — та восставала из седого сгустка пепла и ржавого, изъеденного временем металла. Пальцы, длинные и острые как когти, судорожно сжались, раздавливая в прах череп какого-то древнего существа. Это движение больше не было текучим — оно было сухим и жёстким, словно сама смерть обретала хребет.

— Ты вырос-с-сла, девочка... — проскрежетал он, и серый туман вокруг начал закручиваться в гигантскую воронку. — Он хорошо прятал тебя в своей саже. Но теперь ты засияла. И этот свет укажет мне путь к твоему горлу.

Агрессия и предвкушение наполнили пустую оболочку, вытесняя вековую усталость. Он больше не был просто гнилью. Он снова стал Хищником.

— Идите... — приказал он своим теням, и из Разлома в сторону столицы бесшумно выскользнули три серых вестника. — Найдите лазурное свечение. Не трогайте её. Пока нет. Просто дайте мне знать, когда она сделает свой первый шаг из тени.

Он снова замер, но теперь это была тишина затаившейся змеи. Битва, которую он проиграл триста лет назад, только что получила своё продолжение.

Глава 3. Шелк, сталь и ленты

В доме в Брин-Мире стоял радостный хаос. Пока отец проверял колеса повозки и укладывал инструмент, второй этаж превратился в настоящий штаб красоты.

Девочки решили, что в столице они должны выглядеть как истинные дочери уважаемого мастера.

Лана выбрала платье цвета молодого персика с пышными рукавами, перехваченными тонкими золотыми лентами. Её золотистые волосы она решила оставить распущенными, лишь заколов у висков маленькими гребнями в виде серебряных листьев (работа отца). Она выглядела как нежный весенний цветок.

Лия остановилась на более сдержанном, но элегантном платье небесно-голубого цвета. Оно подчеркивало её спокойствие и серьезный взгляд. Волосы она заплела в сложную корзинку вокруг головы, вплетя в неё тонкую шелковую нить. Лия казалась настоящей леди, случайно заглянувшей в кузницу.

Отец сменил рабочий кожаный фартук на добротный дорожный камзол из темно-серого сукна с массивными пуговицами. На плечи он набросил плащ из плотной шерсти. Несмотря на простоту одежды, в его осанке и том, как он закрепил на поясе широкий кожаный ремень, читалась скры-

тая мощь. Волосы он туго перевязал кожаным шнурком, а бороду аккуратно подровнял. Он выглядел как человек, с которым не захочет спорить даже столичный стражник.

Я долго стояла перед зеркалом.

Я выбрала свою «боевую» форму, в которой мы с отцом оттачивали навыки владения мечами и ножами — узкие штаны из мягкой оленьей кожи (удобно для повозки и если придется быстро двигаться), высокие шнурованные сапоги и бежевую льняную рубашку. Поверх я надела новый темно-коричневый корсет, который отец специально укрепил тонкими стальными пластинами, скрытыми внутри.

В отличие от сестер, я заплела свои черные волосы в две тугие французские косы, которые плотно прилегали к голове. Это было практично и открывало мое лицо, подчеркивая высокую линию скул и ярко-голубые глаза.

На поясе я закрепила ножны со своим любимым маленьким ножом, а сверху набросила длинный дорожный плащ с капюшоном, чтобы не привлекать лишнего внимания раньше времени.

Когда все вышли к повозке, отец на мгновение замер, оглядывая своих красавиц-дочерей.

— Ну и цветник я везу в Кер-Морант, — пробасил он с гордостью, помогая Лане забраться на сиденье. — Смотрите, чтобы городские женихи не свернули шеи, глядя на вас.

Девочки весело засмеялись, а я поймала взгляд отца. В нем было одобрение — он видел, что я готова к любому по-

вороту событий.

Они загрузили в повозку корзины с едой, сундуки с нарядами и — самое главное — черный сверток, который Стерн спрятал в потайной ящик под своим сиденьем.

— Брин-Мир, жди нас! — крикнула Лана, когда повозка медленно тронулась с места.

Солнце только начинало золотить кроны верб, когда они выехали за околицу. Впереди была Астерлирия, полная тайн, и далекие шпили столицы.

Повозка отца мерно поскрипывала, удаляясь от Брин-Мира. Дорога петляла между холмами, и я, устроившись на краю повозки и свесив ноги, жадно впитывала каждое мгновение пути. Для меня, выросшей в кузнице, этот мир за пределами родного леса казался огромным, живым полотном.

Я внимательно следила за дорогой, подмечая, как меняется цвет земли от серой к почти рыжей, как становятся гуще тени под вековыми соснами. Меня восхищали мелкие деревушки, мимо которых мы проезжали: крошечные домики, прильнувшие друг к другу, с соломенными крышами и дымком из труб. В каждой такой деревушке жизнь текла иначе — где-то пастухи гнали стада овец, где-то женщины в пёстрых платках сушили бельё на солнце. Я видела в этом не просто быт, а невидимые нити, связывающие всю Астерлирию в единый организм.

— Смотрите, какой там пруд! — Лана восторженно указывала на сверкающую гладь воды, где плавали белые лебе-

ди. — Несси, ты видела когда-нибудь столько цветов на одном лугу?

Лия, сидевшая рядом с Ланой, согласно кивала, перебирая в руках край своего голубого платья.

— Здесь даже воздух другой, — тихо заметила она. — В Брин-Мире он пахнет водой и вербами, а здесь... пылью дорог и чем-то пряным.

Я улыбнулась, не отрывая взгляда от горизонта.

— Это запах приключений, Лия, — отозвалась я. — Отец, а мы будем проезжать через Каменное Ущелье? Бернارد говорил, что там живут горные эхо, которые повторяют каждое твоё слово.

Отец, уверенно правивший лошадьми, на мгновение оглянулся на дочерей. В его глазах отразилось спокойное небо Астерлирии.

— Проедем, Несс. Только эхо там сейчас тихие — боятся спугнуть путников. Вы лучше смотрите на дорогу: скоро начнутся виноградники, значит, до Кер-Моранта осталось всего полдня пути.

Я снова обратилась к пейзажам. Дикая природа постепенно уступала место порядку: аккуратные ряды виноградных лоз, каменные мосты через быстрые ручьи. Всё это казалось мне прекрасным сном. Но глубоко внутри, за пределами восхищения, жило внимание — я невольно отмечала, насколько высоки дозорные башни на тракте и как часто патрулируют дорогу всадники в доспехах столицы.

— Папа, а Генерал... он будет ждать нас прямо у ворот?
— я задала этот вопрос почти вскользь.

— Нет, дочка, — коротко ответил отец. — В таком городе, как Кер-Морант, дела не решаются на виду у всех. Мы остановимся в хорошем месте и пойдём к нему сами. А пока — наслаждайтесь солнцем. В столице его будет меньше из-за высоких стен.

Я кивнула и подставила лицо теплему ветру. Я хотела запомнить эту безмятежность: смех Ланы, спокойный голос Лии и красоту Астерлиири.

Солнце уже начало клониться к горизонту, когда сосновые леса окончательно расступились, открывая взору Кер-Морант.

Это был не просто город — это был триумф камня и света, бросающий вызов самим небесам. Я затаила дыхание, и мне показалось, что моё сердце на мгновение перестало биться, оглушённое величием, которое невозможно было объять человеческим взглядом.

Кер-Морант раскинулся на семи титанических уступах, уходящих ввысь, и каждый следующий был величественнее предыдущего. Стены, выложенные из молочно-белого камня, отражали закатное солнце так ярко, что город казался вылитым из раскалённого золота.

Я невольно вцепилась в борт телеги. В Брин-Мире самым высоким объектом была старая сосна на холме, но здесь... здесь шпили вонзались прямо в брюхо облаков. У

меня закружилась голова от осознания того, насколько я мала. Я чувствовала себя песчинкой, которую вот-вот поглотит этот каменный левиафан.

До меня долетел гул. Это не был шум леса или звон одного молота. Это был многоголосый рокот сотен тысяч жизней, лязг металла о мостовые, крики глашатаев и отдалённый, торжественный звон колоколов. Город дышал — тяжело, властно, по-хозяйски.

Воздух изменился. К привычному запаху хвои примешался аромат дорогих благовоний, жареного мяса, сточных канав и — самое главное — озона. Магия здесь не была редкостью, она пропитывала сам камень.

Чуть в стороне от сияния мраморных площадей, на скалистом выступе, который казался чёрным шрамом на теле города, высилась суровая, угрюмая громада из серого гранита. Она не отражала закат — она словно впитывала в себя свет, превращая его в густые, тяжелые тени. Это здание выглядело как обнажённый клинок, брошенный на роскошное нарядное платье. Вокруг него не было садов, не было смеха и музыки — только высокие стены и острые шпили, напоминающие наконечники копий.

Я вздрогнула, когда мой взгляд зацепился за эти холодные стены.

Я ожидала почувствовать страх, но вместо этого внутри вдруг появилось странное, тягучее чувство — там куют сталь и железо. Я ощутила это не глазами, а кожей: знакомый ритм,

тяжесть, которую не спутаешь ни с чем. От этих стен пахло не благовониями, а закалённым металлом и дисциплиной горна. И мой дар, ещё не осознанный, уже тянулся к этому ритму, узнавая его.

— Что это за место, отец? — прошептала я, не в силах отвести глаз от серого камня. — Оно... оно отзывается мне. Будто там бьётся сердце огромной кузницы.

Отец наконец обернулся ко мне, и в его глазах промелькнула тень гордости, смешанная с глубокой тревогой.

— Твоё чутье тебя не подводит, — глухо ответил он. — Это место, где рождаются и умирают секреты. Но уют там не мечи, Несс. Там уют людей. Перемалывают их волю, пока они не станут острыми и гибкими, как лучший клинок в этой империи.

Слова отца ударили меня под дых сильнее, чем любой сорвавшийся молот. Я замерла, чувствуя, как пальцы холодеют. Я привыкла, что металл — это послушная материя, которую можно подчинить своей воле, но мысль о том, что кто-то может проделать то же самое с живым человеком, вызвала у меня ледяную дрожь.

Весь восторг от золотых шпилей и масштабности города мгновенно испарился. Теперь Кер-Морант перестал казаться мне сказочным сном. Я кожей почувствовала, что за этой красотой скрывается гигантский пресс, готовый раздавить любого, кто окажется недостаточно твёрдым.

Наша повозка медленно встроилась в очередь у Западных

ворот. Это была исполинская триумфальная арка из ослепительно белого мрамора, чьи масштабы подавляли волю: высота свода легко бы скрыла добрый десяток деревенских домов. Мрамор был отполирован до зеркального блеска, и на закатном солнце он казался не камнем, а застывшим божественным светом.

Но истинное величие городу придавал металл. Арку венчали три гигантские статуи золотых драконов. Центральный дракон расправил крылья над самым проходом, словно накрывая каждого входящего своей властью, а два других, по бокам, замерли в яростном оскале, вглядываясь в горизонт. Их чешуя, выкованная из чистого золота, полыхала на солнце так ярко, что на неё было больно смотреть.

На самих створках ворот, окованных тяжелыми золотыми листами, были выбиты рельефы древних сражений. Фигуры воинов казались живыми, а сверху, на белокаменных дозорных площадках, неподвижно застыли стражи в матовых золоченых доспехах. Их копья поблескивали, как когти тех самых драконов, что замерли над их головами.

Когда подошла наша очередь, один из гвардейцев, высокий и суровый мужчина с лицом, изборожденным шрамами, преградил путь.

— Цель прибытия в столицу? — голос его лязгнул, как сталь.

Солдат уже открыл рот, чтобы отпустить очередную колкую шутку, но Стерн перехватил его взгляд. Кузнец медлен-

но выпрямился, и в этом движении было столько природной мощи и скрытой угрозы, что воин невольно осекся.

— Стерн Торн. Из Брин-Мира, — голос кузнеца прозвучал низко, ровно, без тени заискивания. — Везу личный приказ для Генерала.

Я замерла, боясь даже вздохнуть. Я знала отца всю свою жизнь, и этот Стерн Торн, который сейчас сидел рядом со мной, был мне знаком... и в то же время — абсолютно чужд.

Дома, в Брин-Мире, отец всегда был человеком дела. Чётким, резким, как удар молота по наковальне. Он никогда не раздувал диалоги, не пускал пыль в глаза соседям и не любил пустых слов. Его строгость была естественной, как дыхание. Но здесь, перед лицом ослепительной имперской гвардии, эта его черта превратилась в нечто иное. В власть.

Видеть, как этот суровый стражник — человек, который секунду назад казался мне почти богом в своём золотом доспехе — вдруг растерялся и сник под простым взглядом моего отца, было почти физически больно. Внутри меня всё перевернулось.

На последнем слове воздух у ворот будто заледенел. Шум многоголосой толпы, скрип колёс и ржание лошадей — всё мгновенно стихло, превратившись в вакуум. Гвардеец, который секунду назад скалился в издёвке, замер, и его лицо начало медленно бледнеть, приобретая оттенок того самого белого мрамора, из которого были высечены стены.

Я увидела, как суровый вояка тяжело сглотнул. Кадык на

его шее дёрнулся с отчётливым, сухим звуком, словно в горле у него внезапно встал колючий ком, мешающий дышать. Высокомерие в его глазах не просто исчезло — оно испарилось, уступив место первобытному, суеверному испугу, смешанному с таким глубоким почтением, какое испытывают лишь перед самой смертью.

Стерн медленно запустил руку во внутренний карман своего поношенного кожаного жилета — туда, где под грубой тканью, прямо у сердца, всегда что-то едва заметно выпирало. Я часто видела, как он проверял этот карман перед отъездом, но никогда не решалась спросить.

Он извлёк на свет небольшой конверт из плотной, необычно тёмной бумаги. Несмотря на долгий путь, он выглядел безупречно — ни единого залома, ни пятнышка дорожной пыли. Стерн протянул его гвардейцу с таким видом, будто передавал не бумагу, а заряженный арбалет.

Солдат небрежно выхватил письмо, намереваясь быстро сорвать печать, но стоило его пальцам коснуться поверхности, как он замер. Он опустил взгляд на тяжёлое клеймо из чёрного воска, в центре которого пульсировала — или это мне просто показалось? — крошечная белая искра. Это был личный знак, который не ставили на обычные заказы. Это была метка, которую в Империи знали и боялись больше, чем королевского указа.

Именно в этот миг по лицу воина пробежала первая судорога страха. Он смотрел на этот невзрачный конверт так,

словно тот обжигал ему пальцы, и я увидела, как капля пота сорвалась с его виска, разбившись о сияющий белый мрамор мостовой.

— Прошу прощения... мастер Торн, — голос гвардейца стал сиплым, он выдавливал слова через силу, боясь лишний раз поднять глаза.

Он поспешно отступил на два шага назад, едва не споткнувшись о собственную ногу, и ударил древком об пол, подавая сигнал.

— Открывайте! — выкрикнул он, и в его крике слышалась паническая готовность исправить ошибку. — Пропускайте повозку мастера Торна! Немедленно!

Когда повозка дёрнулась, и гвардейцы, вытянувшись в струнку, остались позади в облаке осевшей пыли, в тишине послышался судорожный вздох.

Лана, всегда такая лёгкая и звонкая, сейчас вцепилась в край повозки так сильно, что её костяшки побелели. Она обернулась, провожая взглядом золотые доспехи стражи, которые всё ещё стояли не шелохнувшись.

— Вы видели это? — её голос сорвался на шёпот, полный благоговейного ужаса. — Он... он глотнул. Тот великан в золоте просто глотнул, когда отец назвал своё имя. Будто он увидел не кузнеца, а саму смерть.

Лия, более сдержанная и внимательная, не сводила глаз с затылка отца. Она видела, как неподвижны его плечи, и как письмо, которое он только что убрал обратно в карман, всё

ещё будто жгло ткань его жилета.

— Это не из-за имени, Лана, — тихо отозвалась Лия, и в её глазах промелькнула тень, которую Нес никогда раньше не замечала. — Это из-за того, как он это сказал. Отец смотрел сквозь него. Так смотрят на препятствие на дороге, а не на человека.

Лана нервно хихикнула, поправляя выбившийся локон, но в её смехе не было прежнего веселья.

— Мы всю жизнь жили в Брин-Мире, думая, что наш отец просто ворчливый мастер, который делает лучшие подковы в округе... А теперь посмотрите на них. Эти люди боятся дышать в его присутствии.

Я ничего не ответила, но слова сестры эхом отозвались в моей голове. Я на секунду прикрыла глаза, и перед внутренним взором поплыли картинки нашего привычного быта в Брин-Мире. Только теперь в них проступили детали, на которые я раньше не обращала внимания.

Отец никогда не был просто «сельским кузнецом». Да, он подковывал лошадей, но это была лишь ширма, скучная рутина для отвода глаз. В глубине нашей кузницы, под покровом ночи или за закрытыми ставнями, он творил совсем другое. Он делал мечи, от одного вида которых перехватывало дыхание; ножи, способные рассечь летящий шёлк; тяжёлые боевые молоты, чей баланс был выверен до миллиметра. Каждое изделие было безупречным, идеальным сплавом стали и воли.

Я вспомнила странных заказчиков, которые иногда появлялись на пороге нашего дома. Они не торговались. Они платили золотом, часто оставляя двойную, а то и тройную цену, лишь бы Стерн Торн взялся за их заказ. И он выполнял работу идеально, вкладывая в металл такую мощь, которую я начала чувствовать только сейчас.

«Он никогда не был просто мастером», — пронеслось в моих мыслях.

Отец никак не отреагировал на наш шёпот. Он всё так же чётко и строго правил лошадьми, но я видела, как его челюсти сжаты до предела, а жилы на руках напряжены, словно он сам был выкован из того самого железа.

Когда повозка окончательно миновала гулкий тоннель ворот и выкатилась на главную артерию Кер-Моранта, нас накрыло волной звуков и красок. Это было похоже на прыжок в кипящий котёл, наполненный жидким золотом и битым хрусталём.

Белизна мрамора под колёсами была настолько слепящей, что мне пришлось прикрыть глаза рукой. Улицы здесь были шире, чем вся главная площадь Брин-Мира, а дома, стоящие плотными рядами, казались резными шкатулками исполинских размеров.

Лана первая пришла в себя. Она вскочила, едва не вывалившись из повозки, и закружилась на месте, пытаясь объять взглядом всё сразу.

— О боги... Нес, Лия, посмотрите на это! — её голос дро-

жал от восторга. — Вы видите их платья? Это же настоящий шёлк! А кружева... они выглядят как застывшая морская пена. Смотрите, у той дамы в карете на шее камни размером с голубиное яйцо!

Лия сидела неподвижно, но её взгляд метался от одного фасада к другому. Она не смотрела на платья. Она смотрела на людей.

— Здесь слишком много лиц, Лана, — тихо отозвалась она, и в её голосе прозвучала нотка тревоги. — Ты видишь их глаза? Они смотрят на нас так, будто мы — пыль, которую случайно занесло ветром на их чистый порог.

Она поёжилась, сильнее кутаясь в свой скромный шерстяной плащ, который здесь, среди сияющего атласа прохожих, казался выцветшей тряпкой.

Я чувствовала, как внутри меня растёт странное, колющее оцепенение, которое постепенно сменялось лихорадочным, почти детским любопытством. Я подалась вперёд, впиваясь взглядом в каждое здание, мимо которого мы проезжали. Для меня, выросшей среди бревенчатых изб и грубого камня Брин-Мира, этот город казался нереальным, словно сошедшим с полотен безумного художника.

Я жадно рассматривала плитку на мостовой: идеально подогнанные друг к другу шестиугольники из светлого камня, между которыми не пролезла бы и тончайшая игла. Мой взгляд скользил по фасадам таверн, где вместо простых деревянных вывесок красовались изящные кованые кронштей-

ны, удерживающие стеклянные фонари. Я замирала, видя ларьки торговцев, чьи прилавки были инкрустированы перламутром, и повозки богачей — настоящие шедевры инженерной мысли с золочёными рессорами и колёсами, обитыми мягким каучуком для бесшумной езды.

— Всё слишком... идеально, — прошептала я, и мои пальцы непроизвольно сжались, сучая по грубой текстуре дерева и окалине. — Здесь нет ни одной зазубрины, Лия. Ни одного кривого шва. Будто этот город не строили руками, а вырезали из целого куска мрамора.

— Смотрите на те балконы! — Лана указала на дом, увитый плющом из тончайшей меди. — Нес, ты видела когда-нибудь такие тонкие стебли из металла?

Я кивнула, не в силах вымолвить и слова. Я видела.

По мере того как повозка углублялась в город, ослепительное сияние богатых кварталов начало смягчаться. Звуки стали тише, а воздух — чище. Повозка свернула в квартал, который не кричал о своём богатстве, но дышал им в каждом камне. Здесь не было вычурных статуй, но была безупречная, сдержанная элегантность.

Здания из серого и песочного камня стояли ровными рядами, украшенные коваными решётками балконов и аккуратными цветочными ящиками на окнах. Мостовая здесь была выложена не мрамором, а гладким базальтом, по которому колёса катились с приятным, глухим шуршанием. Это был район мастеров, учёных и тех, кто ценил качество пре-

выше блеска.

Повозка Стерна плавно остановилась у трёхэтажного здания, которое казалось воплощением достоинства. Фасад из серого камня был украшен коваными решётками, напоминавшими тончайшее кружево из стали, а окна обрамляли тёмные рамы из тяжёлого дерева.

Лана, в отличие от своих первых восторгов на главной площади, не стала прыгать и кричать. Она замерла, широко открытыми глазами впитывая благородную тишину этой улицы. Весёлая и обычно звонкая, сейчас она выглядела необычайно спокойной и одухотворённой.

— Папа... посмотри, какой он изящный, — прошептала она, и в её голосе звучало искреннее восхищение. Она спрыгнула на мостовую и подошла к массивной дубовой двери, боясь коснуться резной ручки в виде львиной головы. — Он не кричит о золоте, как те дворцы, но он... он как будто знает себе цену. Здесь так красиво и спокойно.

Лия подошла к ней, тоже не скрывая облегчения.

— Это место похоже на тебя, Лана, — тихо улыбнулась она, поправляя сестре плащ. — Такое же аккуратное и светлое. На главной площади мне казалось, что я задыхаюсь, а здесь... здесь можно дышать.

Я стояла в повозке, глядя на сестёр. Видеть Лану такой — притихшей от восторга перед истинным изяществом — было приятно.

— Лия права, — я спрыгнула вниз, и мои подошвы косну-

лись прохладного базальта. Я посмотрела на отца. — Здесь пахнет не только работой, но и честью, папа. Это правильный выбор.

Он кивнул, бросив на дочерей быстрый, почти нежный взгляд, который тут же скрыл за привычной суровостью.

— Это квартал старых мастеров, — пробасил он. — Здесь не пускают пыль в глаза, здесь ценят то, что сделано на века. В этом доме нас ждут. Лана, раз ты так влюблена в этот фасад, помоги-ка Лие с её вещами. В Кер-Моранте безопасность стоит дороже сахара, а здесь за нашими спинами — настоящие стены.

Лана, мгновенно вернув себе весёлое расположение духа, подмигнула мне и подхватила один из узлов.

— Если внутри так же красиво, как снаружи, я готова остаться здесь до конца своих дней! — рассмеялась она, и её звонкий голос эхом отразился от каменных стен, заставляя даже хмурого отца едва заметно дёрнуть уголком губ.

Глава 4. Железная Марта

Едва отец коснулся тяжелого бронзового кольца на двери, как та бесшумно распахнулась.

На пороге стояла женщина. Её седые волосы были затянуты в узел так туго, что казалось, они натянуты тетивой лука. Лицо её было изрезано морщинами, но это была не старость, а выдержка. В её глазах — серых, как предгрозовое небо — читался такой объем жизненного опыта, что я невольно захотелось спрятаться за широкую спину отца.

— Ты опоздал на полчаса, Стерн, — произнесла она, даже не глядя на часы. Голос её был сухим и острым, как щелчок кнута.

Она смерила его взглядом с ног до головы, задержавшись на запыленных сапогах:

— Я уже начала гадать: то ли ты окончательно ослеп от блеска городских ворот и заблудился в трех соснах, то ли твоя колымага возомнила себя королевской каретой и откачивается ехать без поклонов от каждого встречного столба? А может, — она бросила уничтожающий взгляд на его заношенную куртку, — ты просто стоял в очереди за приличиями, но, судя по твоему виду, они закончились прямо перед твоим носом.

Тишина, воцарившаяся на улице, стала почти осязаемой. Лана замерла с открытым ртом, боясь даже моргнуть — она

никогда в жизни не слышала, чтобы с её отцом кто-то разговаривал в подобном тоне. Она перевела испуганный взгляд на Стерна, ожидая вспышки гнева, но отец лишь тяжело вздохнул. В этом вздохе не было злости, только привычное смирение перед неоспоримой силой.

— Дороги стали длиннее, Марта, — пробасил он, не поднимая глаз. — А твой язык — еще длиннее.

— Если бы мой язык был короче, я бы давно умерла от скуки, слушая твое героическое молчание, — парировала она, отступая в сторону и освобождая проход. — Заходите. И постарайтесь не развалиться по дороге в холл, вы и так выглядите так, будто вас жевали волки, а потом выплюнули, потому что вы оказались слишком черствыми.

Лана, проходя мимо хозяйки, робко улыбнулась, завороченная её статью.

— Здравствуйте, госпожа Марта. Ваш дом... он такой красивый.

Марта посмотрела на неё сверху вниз, и уголки её губ дрогнули в едва заметной, сухой усмешке.

— Красота — это лишь фасад, дитя. Главное — чтобы стены выдержали осаду. Заходи и не тащи за собой пыль с площади. В этом доме чтут чистоту — и в мыслях, и на подошвах.

Я входила последней, волоча за собой тяжелый мешок. Когда я поравнялась с Мартой, та на секунду задержала руку на косяке, преграждая путь. Её серые глаза впились в мое

лицо, мгновенно считав и сажу на щеках, и небесную глубину взгляда.

Хозяйка дома медленно наклонилась ко, взглядываясь в лицо. Её серые глаза, только что метавшие искры сарказма, вдруг стали удивительно спокойными и внимательными. Она протянула руку и кончиком пальца, едва касаясь, провела по моей щеке, смахивая пятно сажи.

— У тебя очень красивые глаза, девочка, — тихо, почти шепотом произнесла Марта. В её голосе больше не было издевки — только странная, щемящая печаль и восхищение. — Такие глаза в нашем городе — это либо величайшее благословение, либо смертный приговор.

Я замерла, ошеломленная этой внезапной переменой.

— Стерн хорошо тебя натаскал, — продолжила Марта, и в её тон вернулась пугающая серьезность. — Ты кажешься сталью, но под этим слоем копоти прячется нечто куда более опасное. Запомни, девочка Торн: в Кер-Моранте руки пачкают не только сажей. Но твои глаза... они выдадут тебя раньше, чем ты успеешь достать нож. Учись смотреть в пол, если хочешь дожить до зимы.

Марта убрала руку и отступила, снова превращаясь в строгую и ворчливую хозяйку.

— Иди умывайся. На тебя больно смотреть — выглядишь так, будто тебя только что вытащили из угольной ямы. Ужин остынет быстрее, чем ты сообразишь, как пользоваться мылом.

Марта резко развернулась на каблуках, и подол её тяжелого платья хлестнул по воздуху, как хвост рассерженной виверны.

— Не стойте столбами, — бросила она через плечо, направляясь к широкой дубовой лестнице. — В этом доме лестницы не декоративные, а комнаты не проветриваются сами собой.

Лана и Лия, подхватив свои юбки и свертки, поспешили за ней. Отец остался внизу, их приглушенные басы быстро стихли за поворотом коридора. Я шла последней, чувствуя, как каждый шаг по натёртому до блеска паркету отдается в её висках тихим гулом. Дом Марты был... странным. Он не просто стоял — он бдел.

— Девчонки — направо, — Марта остановилась на втором этаже и толкнула двойную дверь. — Лия, Лана, это ваша обитель. Здесь достаточно света, чтобы вы не ослепли от своих мечтаний, и достаточно крепкие засовы, чтобы эти мечты не сбежали в город раньше времени.

— Ой, Лия, смотри! Отсюда видны шпили дворца! — она обернулась к Марте, сияя. — Спасибо, госпожа Марта, здесь так... правильно.

Марта лишь сухо кивнула, но я заметила, как на мгновение разгладились морщинки в уголках её глаз. Однако, когда хозяйка повернулась ко мне, её взгляд снова стал острым, как бритва.

— А ты, стальная девчонка, идешь со мной дальше, —

Марта прищурилась, и её голос смягчился, утратив привычную колючесть. — Твоему отцу кажется, что тебя нужно прятать в гуще событий, но я считаю, что самому острому клинку иногда нужны самые мягкие ножны.

Она провела меня в самый конец коридора, туда, где городские звуки окончательно стихали, поглощенные толстыми стенами дома. Марта толкнула массивную дверь, и комнату залил мягкий, золотистый свет заходящего солнца.

Я невольно замерла. Это была самая большая и изысканная комната в доме, но её величие не давило, а убаюкивало. Воздух здесь был наполнен ароматом цветущих ив и ночных цветов — огромные окна выходили в старый сад, скрытый во внутреннем дворике. Здесь не было видно ни патрулей, ни суровых стен Академии — только переплетение ветвей и безмятежное небо.

— Эта комната — особенная, — негромко произнесла Марта, проходя к окну. — Самая тихая во всем квартале. Здесь время течет иначе, и даже шторм, что бушует снаружи, не смеет касаться этих стекол.

В центре комнаты высилась огромная кровать под изумрудным балдахинном, а в углу, за резной ширмой, виднелась просторная ванная комната. Белоснежный мрамор умывальника и зеркало в тяжелой серебряной раме отражали уютный интерьер, делая пространство еще больше. Тяжелый шкаф из темного дерева, инкрустированный перламутром, ждал своих новых вещей.

— Почему вы даете её мне? — я подошла к окну, завороченная тишиной сада. — У Лии и Ланы комната меньше...

Марта подошла вплотную, и в её серых глазах отразилась странная, почти материнская мудрость.

— Потому что им достаточно просто красоты, Нессира. А тебе нужен покой, которого ты лишена с самого рождения. — Она указала на зеркало, где ярко-голубые глаза девушки сияли, словно чистые озера. — В этом доме есть всё, чтобы ты чувствовала себя защищенной. Привыкай к этой тишине. Скоро она станет твоим самым дорогим сокровищем.

Хозяйка дома провела кончиками пальцев по мрамору умывальника и направилась к выходу.

Марта уже стояла в дверях, держась за ручку. Она обвела комнату придирчивым взглядом и снова посмотрела на меня. Внезапно её голос, только что звучавший почти мягко, преобразился. Он стал сухим, резким и лязгающим, как удар затвора.

— У тебя есть ровно час, чтобы смыть с себя эту доружную грязь и копоть Брин-Мира, — отчеканила она, и я невольно выпрямилась, подчиняясь этому стальному, абсолютно военному тону. — И не вздумай опоздать к ужину. В этом доме едят по расписанию, а не тогда, когда у юных провинциалок просыпается вдохновение поглазеть на кусты.

Марта сделала паузу, и на её губах промелькнула едкая, саркастичная ухмылка:

— И постарайся в ванной не утонуть. Я понимаю, что в

вашей деревне бадья с водой — это уже праздник, но постарайся не слишком сильно увлекаться пеной. Мне бы не хотелось вылавливать тебя из мыльного раствора только потому, что ты впервые увидела горячую воду из крана.

Она коротко кивнула, закрепляя приказ, и вышла, закрыв дверь с таким звуком, будто запечатала камеру в крепости.

Я развязала узлы своего дорожного свертка — того самого, что бережно уложила еще в кузнице. Из грубой ткани на мягкое покрывало огромной кровати скользнуло моё обычное платье небесного цвета. Оно было сшито из добротного льна, без столичных изысков и кружев, но я любила его за мягкость и цвет, напоминающий утреннее небо над их лесом. На фоне изысканного интерьера комнаты это простое платье выглядело почти чужеродно, точно так же, как и я чувствовала себя в этом богатом доме.

Я начала раздеваться. Слой за слоем я снимала свою «броню»: кожаный корсет, пропитанную дымом рубашку, узкие штаны. Оказавшись полностью обнаженной, я на мгновение обхватила себя руками, чувствуя, как прохладный воздух комнаты касается моей кожи. Без одежды я казалась себе маленькой и уязвимой, совсем как та девочка из сна.

Зайдя в ванную, я открыла краны. Медная ванна начала медленно наполняться, и пар, пахнувший горной свежестью, заполнил помещение. Я замерла у широкого мраморного бортика, заставленного десятками изящных стеклянных баночек и глиняных сосудов.

Я никогда в жизни не видела ничего подобного. Я осторожно открыла одну из крышек: внутри оказалась густая, переливчатая субстанция, похожая на «жидкий жемчуг». Стоило капле этого вещества коснуться воды, как та превратилась в облако пышной, ароматной пены. В другой баночке томился прозрачный «янтарный нектар», пахнувший медом и дикими травами, а в маленьких тиглях ждали своей очереди нежные кремы, такие легкие, что они таяли прямо на кончиках пальцев.

Всё это пахло просто изумительно — не едким дегтем или гарью, к которым я привыкла в кузнице, а тонким сочетанием хвои, цветущего миндаля и утренней росы. Я с почти детским восторгом трогала эти диковинки, не понимая, как простая вода может превращаться в такое блаженство.

Наконец я погрузилась в воду, издав невольный вздох облегчения. Горячая вода, сдобренная «жемчужной пеной», обняла меня, вытягивая из мышц дорожную ломоту, но не в силах вытянуть вопросы из головы.

«Почему всё так изменилось за один день?» — думала я.

Картины Кер-Моранта: ослепительный мрамор ворот, золотые драконы и, самое главное, взгляды. Почему стражники, эти могучие воины в золоте, бледнели при виде моего отца? И Марта...

Почему она так на меня смотрела? — мысли о хозяйке дома не давали покоя. — Этот голос... она говорит как солдат, привыкший отдавать команды, а не как женщина, принима-

ющая гостей. И её сарказм — он как щит, за которым она что-то прячет. Что она увидела в моих глазах?

Я резко встряхнула головой, отчего мокрые пряди хлестнули по плечам. Я буквально физически прогнала навязчивые мысли о Марте, отце и странностях этого города.

«Сначала — бой с этой грязью, остальное — потом», — приказала я себе, подражая тону отца.

Я взяла баночку с густым, переливчатым «янтарным нектаром». Субстанция была тягучей, как молодой мед, и когда я растерла её в ладонях, комната наполнилась ароматом прогретого солнцем луга и хвои. Я начала втирать его в кожу, и это было похоже на магическое действие.

Сначала я взялась за руки. Черные въевшиеся пятна угольной пыли и металлической окалины, которые казались мне вечными спутниками, начали неохотно сдаваться. Под воздействием ароматного масла сажа растворялась, стекая в воду темными, грязными ручьями. Я терла кожу до тех пор, пока под слоем копоти не показалась... кожа. Но не та сухая, обветренная кожа подмастерья, к которой я привыкла, а нечто совершенно иное.

Мои пальцы замерли от изумления. Я провела ладонью по предплечью и почувствовала невероятную мягкость. Моя кожа была нежной, гладкой, как лепесток белой лилии, и словно светилась изнутри, отражая блики свечей.

— О боги... — выдохнула я, не веря собственным ощущениям.

Я принялась за лицо и шею с особым рвением. Смывая слой за слоем, я чувствовала, как с меня спадает тяжелая, липкая маска, которую я носила годами. Ароматы обволакивали меня, проникали в поры, кружили голову своей чистотой. Это было так непохоже на едкое щелочное мыло Брин-Мира, которое сушило кожу до трещин. Здесь всё было создано для наслаждения, для неги, о существовании которой я даже не догадывалась.

Я погрузилась в воду с головой, зажмурившись. Когда я вынырнула, последняя сажа покинула мои волосы. Теперь, когда я проводила по ним руками, они не хрустели от пыли, а скользили, словно мокрый шелк.

Я сидела в ванне, окруженная пышными облаками пены, и просто смотрела на свои плечи. Я никогда не видела себя такой — чистой до скрипа, сияющей, пахнувшей цветами, а не гарью. Для меня, выросшей среди жара горна и тяжелых молотов, этот ритуал стал открытием целого нового мира, где женщина могла быть хрупкой и окруженной заботой.

Мне казалось, что вместе с грязью вода уносит и часть моего страха. Я чувствовала себя обновленной, словно старый клинок, с которого содрали ржавчину, обнажив острое, смертоносное и прекрасное лезвие.

Я вышла из воды, чувствуя непривычную легкость в каждом движении. Я быстро обтерлась мягким полотенцем, которое пахло свежестью, и подошла к кровати, где меня ждало небесное платье.

Когда я начала одеваться, ощущения были совсем другими. Ткань больше не липла к телу, не кололась — она скользила по моей новой, невероятно нежной коже, словно прохладный ветерок. Я затянула шнуровку на талии. Это простое платье, сшитое из льна цвета предрассветного неба, которое в кузнице казалось просто удобной одеждой, теперь преобразилось. Оно облегло мою фигуру, подчеркивая тонкую талию и изящную линию плеч, о существовании которых я раньше и не задумывалась.

Я расплела мокрые волосы, и они тяжелым черным водопадом упали на спину, контрастируя с небесно-голубой тканью.

Сделав глубокий вдох, я наконец подошла к большому зеркалу в серебряной раме.

Я замерла, и моя рука невольно взлетела к горлу. На мгновение мне показалось, что в комнате кто-то есть — настолько чужой и в то же время пугающе знакомой была девушка в отражении.

Без единого пятнышка сажи мое лицо сияло. Кожа казалась бледной, почти прозрачной, как самый дорогой фарфор, а губы приобрели естественный алый оттенок. Но самое поразительное — глаза. Без темных кругов усталости и угольной пыли они вспыхнули чистейшим небесным огнем. Они были огромными, глубокими, и в них больше не было смирения подмастерья — в них читалась порода, сила и таинственная печаль.

— Неужели это... я? — прошептала я, касаясь пальцами зеркальной глади.

Теперь я понимала, почему отец заставлял меня «мазаться» грязью. В этом платье, с этим лицом и взглядом я больше не могла сойти за обычную деревенскую девчонку. Я выглядела как принцесса из тех самых легенд, что Бернард рассказывал у костра. Он говорил, что когда-то по небу летали драконы, а в замках жили женщины, чья кожа сияла, как жемчуг. Тогда я думала, что это сказки.

И сейчас, стоя в этой роскошной столичной комнате, я невольно замерла. Это было всего лишь воспоминание — светлое и хрупкое, как осенний лист, — но оно вызвало у неё невольную, добрую улыбку. На сердце стало удивительно тепло. Я на мгновение прикрыла глаза, представляя лицо Бернарда, и этот мимолетный образ придал ей сил.

Умиротворение длилось недолго. Тишину коридора разрезал ритмичный, сухой и властный звук — это Марта, словно отсчитывая секунды до конца перемирия, приближалась к комнате. Каждый удар её каблуков по паркету звучал как предупредительный выстрел, напоминая, что время на сантименты вышло.

Звук замер прямо у двери. Марта не стала стучать — она замерла, давая мне последнюю секунду, чтобы собраться. Я видела, как дрогнула массивная ручка двери, но не позволила хозяйке дома взять инициативу в свои руки.

Я сделала быстрый шаг вперед, одним уверенным движе-

нием расправила складки своего небесного платья и сама распахнула тяжелые створки.

Марта застыла в коридоре, её рука была поднята для резкого стука, но так и замерла в воздухе. В тусклом свете настенных ламп её лицо казалось высеченным из камня, но как только взгляд упал на меня, её глаза на мгновение расширились.

— Я готова, госпожа Марта, — твердо произнесла я. Мой голос не дрогнул, он прозвучал ясно и чисто.

Марта молчала. Её колючий взгляд прошелся по моему лицу, по чистым волосам, по расправленным плечам. Затем, медленно и очень выразительно, хозяйка дома вскинула одну бровь.

— Надо же... — почти шепотом произнесла она, и её стальной голос на мгновение дал трещину.

Она окинула меня финальным, ледяным взглядом и резко развернулась на каблуках.

— Идем. Суп стынет, а я терпеть не могу холодную еду. Холодный суп так же отвратителен, как склизкая кожа болотной жабы, застрявшая в зубах, — удовольствия столько же, а послевкусие еще гаже. Так что шевели ногами.

Марта зашагала по коридору, не оборачиваясь, уверенная, что я последует за ней.

Глава 5. Ужин с острыми углами

Марта стремительно шагала впереди, чеканя шаг, словно вела полк на парад. Но на середине коридора она вдруг почувствовала, что за спиной что-то изменилось.

Я остановилась. Представив себе величественную, строгую Марту, у которой в зубах застревают «склизкая кожа болотной жабы», я не выдержала. Я прижала кулачок к губам и издала короткий, сдавленный смешок, который в тишине коридора прозвучал как звон упавшей монеты.

Она остановилась так резко, будто врезалась в невидимую стену. Она медленно, очень медленно развернулась всем корпусом. Её брови взлетели так высоко, что, казалось, сейчас исчезнут под прической.

— Я сказала что-то смешное? — голос Марты стал тихим и опасным, как шипение раскаленного металла, опущенного в воду. — В Кер-Моранте не принято смеяться над словами хозяйки дома, если только ты не хочешь, чтобы твой ужин достался котам. В чём дело?

Я опустила руку, но в моих глазах всё ещё плясали весёлые искорки. Я посмотрела прямо в стальной взгляд Марты, не отводя глаз.

— Простите, госпожа Марта, — произнесла я, едва сдерживая новую улыбку. — Просто... у вас были такие подробные описания. Я невольно подумала: а вы что, когда-то ели

жаб? Просто послевкусие, о котором вы говорили, кажется вам подозрительно знакомым.

Воздух в коридоре, казалось, застыл. Я на мгновение испугалась, что перегнула палку, но отступить было поздно.

Марта молчала. Она смотрела на меня так, будто видела меня впервые — изучала этот дерзкий наклон головы и искренность в голосе. Затем уголок её тонких губ едва заметно дернулся. Это нельзя было назвать улыбкой, скорее — признанием достойного противника.

— Я надеюсь, тебе никогда не придется есть жаб в прямом смысле этого слова, девочка. Потому что, когда доходит до такого ужина, это значит, что всё остальное в твоём мире уже сторело. А теперь живо вниз!

Марта зашагала вперед, чеканя шаг. Я пошла следом, и моя улыбка немногопомеркла, сменившись задумчивостью. Я поняла, что за сарказмом Марты скрываются шрамы, о которых в нашей тихой деревне даже не догадывались.

Мы подошли к дверям столовой. Изнутри доносились звон приборов, приглушенный смех Ланы и низкий, рокошующий голос Стерна. Марта на мгновение замерла, поправила безупречную манжету и рывком распахнула двойные двери.

— Прошу к столу, — громко и официально объявила она. — Наша гостья наконец-то соизволила явить нам свой лик.

Я шагнула в залитую светом столовую.

Я переступила порог, и гул голосов в столовой оборвался так резко, словно кто-то перерезал невидимую нить. Зал был

залит теплым светом десятков свечей, отражавшихся в тяжелом серебре и начищенном фарфоре, но в это мгновение единственным источником света в комнате казалась я сама.

Отец сидел во главе стола, его широкие плечи едва умещались в резном кресле. Он как раз поднимал массивный кубок с вином. Но стоило его взгляду упасть на меня, как движение замерло. Его рука, способная часами держать тяжелый молот без малейшего колебания, заметно дрогнула. Несколько капель густого, как кровь, вина сорвались с края кубка и бесшумно упали на белоснежную скатерть, расплываясь по ней зловещим багряным пятном.

— Дочь... — едва слышно пробормотал он, так и не опустив кубок.

Лия и Лана, сидевшие напротив, замерли с открытыми ртами. Лия так и осталась с вилок в руке, а Лана невольно поправила свои локоны, которые ещё пять минут назад казались ей верхом совершенства. Теперь же, глядя на меня в моем простом, «домашнем» небесном платье, они обе почувствовали странную, колючую неловкость — их нарядные платья вдруг показались им аляповатыми и тяжелыми.

Марта, стоявшая за моей спиной, едва заметно усмехнулась, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Ну что же вы застыли? — её голос разрезал тишину, как нож — масло. — Стерн, ты так смотришь на родную дочь, будто увидел призрака.

Она легонько подтолкнула меня в спину, направляя к

единственному свободному месту.

— Садись, девочка. И помни, что я говорила: суп — это не жаба, но и он не вечен.

Отец медленно опустил кубок на стол, так и не сводя глаз с преображенной дочери, но теперь в его взгляде смешалось замешательство и глухое раздражение. Он перевел тяжелый взор на Марту, которая с невозмутимым видом поправляла салфетку у своего прибора.

— Жаба? — переспросил он, нахмутив густые брови. Голос его звучал хрипло. — Марта, о чем, во имя всех кузнечных богов, ты толкуешь? Какой еще суп из жаб в твоём доме?

Он перевел взгляд с хозяйки дома на меня, пытаюсь понять, что мы успели обсудить за тот час, что я провела наверху.

— Это наша маленькая женская тайна, Стерн, — отрезала она, и в уголках её губ снова промелькнула та самая едкая усмешка. — Тебе, как человеку, привыкшему иметь дело только с железом и углем, тонкие кулинарные метафоры всё равно не по зубам. Ешь свой суп, пока он не превратился в нечто... соответствующее моему описанию.

Она выразительно посмотрела на меня, призывая её занять свое место. Я почувствовала, как под столом Лана незаметно пнула меня ногой, безмолвно спрашивая: «*Что происходит?*».

Я поймала на себе взгляд отца — тяжелый, предостерегающий, словно он молча умолял не привлекать лишнего вни-

мания. Но присутствие Марты и этот новый, непривычный запах чистоты придали мне смелости, которой я раньше в себе не находила.

Я плавно опустилась на стул и лукаво взглянула на Марту и добавила, понизив голос, но так, чтобы слышал весь стол:

— Отец, просто госпожа Марта очень переживает за температуру подачи блюд. Она считает, что холодный суп на вкус как жаба. И, судя по её лицу, она — единственный эксперт в этом вопросе в этом зале.

Лана прыснула в кулак, а Лия испуганно округлила глаза, переводя взгляд с дерзкой сестры на хозяйку дома.

Стерн замер с ложкой у рта. Он медленно перевел взгляд с дочери на Марту, и в его глазах отразилось истинное потрясение. Его Нес — тихая, покорная девочка, которая обычно боялась лишний раз слово вставить при чужих — сейчас открыто подшучивала над Мартой.

— Нессира... — начал было он предупреждающим тоном, но Марта его перебила.

Она издала короткий, сухой смешок, который больше напоминал треск ломающихся веток, и в её взгляде, направленном на меня, вспыхнуло что-то похожее на искру одобрения.

— Видишь, Стерн? — Марта подцепила кусочек мяса из тарелки. — Твоя дочь не только отмылась, у неё еще и зубы прорезались. Это хорошо. В Кер-Моранте без зубов тебя сожрут раньше, чем ты успеешь доесть этот самый суп.

Она обвела присутствующих взглядом и добавила с

неподражаемым сарказмом:

— А жабы, Стерн, на самом деле по вкусу как курица. Если, конечно, их правильно приправить и не задавать лишних вопросов повару. Но сегодня, к твоему разочарованию, у нас говядина. Ешьте уже, пока я не начала цитировать военные мемуары...

Марта на секунду оцепенела. Её вилка замерла в паре сантиметров от тарелки, а взгляд стал стеклянным, направленным куда-то в пустоту, сквозь Стерна и стены этого уютного дома. Лицо её осунулось, и в тусклом свете свечей она вдруг показалась древним призраком войны.

— О голоде в Мёртвых Ущельях, где мы жевали ремни от седел и молились, чтобы следующая жаба оказалась не ядовитой...

Тишина за столом стала такой плотной, что её, казалось, можно было резать ножом. Марта моргнула, и наваждение исчезло так же быстро, как и появилось. Она снова выпрямила спину, и её взгляд снова стал острым и колючим.

— ...впрочем, неважно, — отрезала она, и в её голосе снова зазвенела сталь. — Многоточие здесь будет уместнее любых слов, Стерн. Считай, что это была короткая лекция по истории, которую не преподают в стенах Академии.

Она выразительно посмотрела на отца, который сидел бледнее обычного, и добавила с коротким, сухим смешком:

— Так что ешьте, господа. Пока еда в этом мире еще не пахнет сырой землей и отчаянием.

Отец перевел взгляд с меня на Лану и Лию, и его лицо на мгновение смягчилось, хотя в глубине глаз всё еще таилась тревога.

— Завтра мы все выйдем в город, — произнес он, и Лана с Лией синхронно подались вперед. — Вам всем нужно сходиться на рынок, посмотреть главную площадь. Кер-Морант — это не только стены Академии, это сердце империи. Вы должны увидеть его своими глазами.

Лана восторженно охнула, уже представляя, как её новое платье будет смотреться на фоне столичного мрамора. Но Стерн поднял руку, призывая к тишине:

— Вы пойдете с Мартой. Она знает каждый закоулок этой площади и, что более важно, она знает, чьих глаз там стоит избегать.

Марта, до этого хранившая молчание, издала короткий, сухой смешок. Она откинулась на спинку кресла, вертя в пальцах пустой бокал.

— Рынок? — Марта вскинула свою острую бровь, и в этом жесте было столько скепсиса, что Лана невольно втянула голову в плечи. — Главная площадь? Что ж, Стерн, это блестящий план, если ты хочешь, чтобы у твоих девчонок закружилась голова от блеска дешевой бижутерии и запаха жареных каштанов.

Она медленно отставила бокал и посмотрела на отца семейства как на ребенка, который только что предложил погладить спящего медведя.

— Главная площадь сейчас кишит ворами, гадалками и шпионами всех мастей, которые слетаются на запах золота, как мухи на... — она сделала паузу, — на тот самый суп из жаб, о котором мы говорили.

Марта перевела взгляд на притихших сестер и вдруг смягчилась, хотя сталь в её голосе никуда не исчезла.

— Может быть, мы лучше сходим в Храм? — предложила она, и это прозвучало не как вопрос, а как стратегическая корректировка плана. — Девочки ведь его не видели, а это единственное место в Кер-Моранте, где тишина еще имеет какую-то цену. К тому же, Храм Первородных стоит того, чтобы увидеть его витражи, пока их не засыпало пеплом новой войны.

Она снова повернулась к Стерну, постукивая пальцами по столу.

— А после Храма, — Марта хитро прищурилась, — может быть, лучше я отведу их в Торговые ряды? Не на ту свалку для туристов, которую ты называешь рынком, а в настоящие Ряды. Там, по крайней мере, товары пахнут кожей и пряностями, а не отчаянием и карманными кражами.

Марта окинула сестер взглядом, в котором читалось нечто среднее между жалостью и азартом полководца перед безнадежным сражением. В её глазах вспыхнул опасный огонек.

— Торговые ряды, Стерн. Только так. Если уж и бросать их в этот... — она запнулась, подбирая слово, и брезгливо повела рукой в сторону окна, за которым гудел Кер-Морант,

— в этот огород, то явно не через главную калитку, где их оберут до нитки.

Она сделала паузу, и на её губах заиграла странная, почти хищная ухмылка.

— Мы сделаем по-другому. Мы зайдем через, кхм, — Марта внезапно поперхнулась, прикрыв рот ладонью и на мгновение отведя взгляд, будто подбирая слово, которое было бы достаточно приличным для ушей юных провинциалок. — Через... задний вход...

— Что это значит? — Стерн нахмурился, его кулаки на столе сжались. — У Торговых рядов есть парадные ворота, охраняемые городской стражей. Зачем тебе вести их через трущобы?

Марта медленно опустила руку, и на её лице снова воцарилась маска ледяного спокойствия, хотя в глубине глаз плясали насмешливые искры.

— Парадные ворота — для тех, кто хочет, чтобы их пересчитали, взвесили и записали в долговые книги еще до того, как они купят первый фут ткани, — отрезала она. — «Задний вход» — это не дыра в заборе, Стерн. Это сеть переулков, там нет стражи, зато есть люди, которые ценят тишину выше золота.

Она перевела взгляд на меня, задержавшись на моем небесно-голубом платье.

— В Кер-Моранте всё самое важное происходит именно там. Парадные входы — для парадов и казней. А жизнь, ин-

формация и настоящая власть текут через те самые «задние входы», о которых порядочные дамы предпочитают не вспоминать за ужином. Я хочу, чтобы девочки увидели город без грима. Чтобы они почувствовали его запах.

Марта снова пригубила вино, и её бровь вскинулась в немом вызове.

— Если ты хочешь вырастить из них тепличные цветы, Стерн, веди их сам через площадь под фанфары. Но если хочешь, чтобы они выжили, когда этот «огород» из города начнет зарастать сорняками войны... предоставь их мне. Я покажу им те двери, которые никогда не запираются, если знаешь, как в них постучать.

Стерн на мгновение прикрыл глаза, словно пытаюсь подавить нахлынувшие воспоминания, в которых методы Марты явно играли не последнюю роль. Он тяжело вздохнул, и этот звук больше напоминал скрежет металла по камню.

Он посмотрел на Марту долгим, понимающим взглядом — взглядом человека, который делил с ней не только хлеб, но и кровь на полях сражений.

— Твои методы всегда были... специфическими, Марта, — проворчал он, качая головой. — Порой мне кажется, что ты до сих пор планируешь «затяжной маневр на чужой территории», а не поход за хлебом и кружевами.

Марта даже не дрогнула, лишь чуть крепче сжала ножку бокала. Девочки переглянулись: Лана нахмурилась, пытаюсь понять, о каком «маневре» говорит отец, но я почувствовала,

как внутри всё сжалось.

— Но я слишком хорошо тебя знаю, — продолжил Стерн. — Если ты решила показать им «изнанку», я не смогу тебя отговорить...

Марта лишь сухо кивнула, принимая это как высшую степень согласия, на которую только был способен этот упрямый кузнец.

— Оставим сантименты для тех, кто верит в сказки, — отрезала она, вставая из-за стола. — Ужин окончен. Девочки — в постель. Завтра вы узнаете, что такое настоящий город. И поверьте, это знание будет горчить сильнее, чем мой самый крепкий эль.

Я сидела на краю своей огромной кровати, вглядываясь в густые тени сада за окном. Небесно-голубое платье было аккуратно сложено на кресле — теперь, без него, я снова чувствовала себя просто Нес, но тишина комнаты всё ещё хранила отголоски стального голоса Марты.

В дверь тихо, почти по-заговорщицки, поскреблись. Не успела я ответить, как створки разошлись, и в комнату юркнули Лана и Лия. Они уже были в ночных сорочках, с распущенными волосами, и выглядели так, будто вернулись в детство, когда они прятались от грозы под одним одеялом.

— Ты видела её лицо? — Лана с разбегу запрыгнула на кровать, заставив перину мягко спружинить. — «Мёртвые Ущелья», «затяжные маневры»... Наш отец и эта Марта стоят друг друга! Они говорят так, будто мы не в Торговые ряды

идем, а собираемся брать штурмом дворец императора.

Лия присела на край, задумчиво накручивая локон на палец.

— Марта очень странная, Нес. Она пугает нас этими «задними входами» и жабами, но мне кажется, она просто... — Лия запнулась, подбирая слово, — просто засиделась в этом огромном доме в одиночестве. Все эти её «страшилки» — это просто столичный способ казаться важной.

— А ты, Нес? — Лана легонько толкнула сестру в плечо. — Ты сидела там такая серьезная, будто веришь каждому её слову. Неужели ты правда думаешь, что на рынке у нас «вытащат душу»? Это же просто рынок! Бернард рассказывал, что там продают сахарных птиц и шелковые ленты, которые меняют цвет на солнце.

— Марта не похожа на человека, который тратит слова впустую, — тихо ответила я, глядя в окно, где вдали, над крышами, холодным светом мерцали обсидиановые шпили Академии. — И отец... вы же видели, как у него дрогнул кубок. Он боится не карманников на площади, Лана.

— Ой, да брось! — Лана фыркнула и повалилась на подушки. — Отец просто устал с дороги, а Марта любит набивать себе цену. Завтра мы наденем наши лучшие ленты, пройдем через этот её «секретный вход» и увидим, что столица — это просто очень большая деревня, где вместо коров — кареты, а вместо кузницы — Храм. Вот увидишь!

Сестры еще долго шептались в темноте, не желая отпус-

кать этот вечер. Их голоса, полные предвкушения, переплетали между собой названия тканей, форму новых туфель и яркие ленты, которые они надеялись отыскать в Торговых рядах. Лана даже вспомнила о каких-то редких семенах цветов, которые Бернард упоминал в своих сказках — она была уверена, что в столице они растут прямо на мостовых.

Наконец, утомленные дорогой и впечатлениями, они пожелали мне спокойной ночи и ускользнули в свою комнату, оставив после себя лишь легкий шлейф аромата мыла и беззаботного смеха.

Я осталась одна. Я подошла к окну и прислонилась лбом к прохладному стеклу. Сад внизу казался черным океаном, а шпили Академии вдалеке — холодными иглами, пронзающими небо. Мысли снова и снова возвращались к Марте. Почему эта женщина разговаривает как солдат? Почему в её глазах застыла такая горечь, когда она говорила о голоде и «задних входах»?

Всё это выглядело пугающе странно. Кер-Морант не был похож на те картинки, что рисовал в моей голове Бернард.

«Я жила в вакууме», — вдруг отчетливо поняла я. В Брин-Мире мир казался маленьким, честным и понятным: есть жар горна, есть стук молота и есть лес. Но здесь, за этими стенами, мир был другим — многослойным, коварным и пахнущим не только розами, но и старой кровью. Я чувствовала, как эта новая реальность медленно просачивается в душу, разрушая привычный покой.

— Что же ты принесешь мне завтра? — прошептала я в пустоту ночи.

Ответа не было, только ветер тихо шелестел в кронах деревьев, словно перелистывая страницу книги, которую уже нельзя было закрыть.

Глава 6. Старые шрамы

Дом погрузился в ту глубокую, вязкую тишину, которая наступает в Кер-Моранте лишь за несколько часов до рассвета. Лана и Лия уже давно видели сны о шелковых лентах, а Нессира, измученная мыслями, наконец провалилась в тяжелое забытие.

Но внизу, в столовой, всё еще горела одна-единственная свеча. Она оплывала, бросая длинные, ломаные тени на стены. Стерн сидел за столом, тяжело опустив голову на руки. Перед ним стояла нетронутая чаша с вином.

Скрипнула половица. Марта вошла бесшумно — старая привычка, которую не стерли годы мирной жизни. Она больше не была той чопорной хозяйкой в строгом платье. В ней чувствовалась генеральская выправка и тяжесть вековых знаний.

Стерн даже не поднял головы, но его плечи напряглись, а голос прозвучал как глухой рокот из-под земли:

— Полог работает? — он наконец взглянул на неё, и в его глазах отразился страх, который он никогда не позволил бы себе проявить при детях.

Марта коротко, едва заметно кивнула, касаясь пальцами воротника.

— Естественно. Ты же знаешь, я не люблю лишних ушей. Стерн прищурился, оглядывая темные углы комнаты,

словно не доверяя даже воздуху столицы.

— Не на весь дом, Марта. Полог на комнату?

Марта остановилась как вкопанная. Её взгляд мгновенно заледенел, а спина выпрямилась так, будто её ударили хлыстом. Она сделала шаг к столу и посмотрела на Стерна сверху вниз с таким ледяным презрением, что пламя свечи между ними испуганно дрогнуло.

— Стерн, я тебе не дворовая девка, — отчеканила она, и в её голосе лязгнула настоящая боевая сталь. — Если я говорю, что тишина обеспечена, значит, даже Тени не узнают, что мы вообще здесь дышим.

Она опустилась на стул напротив него, всё ещё сверля кузнеца гневным взглядом.

Стерн подался вперед, так что свет свечи выхватил глубокие тени в его глазницах. Его голос упал до едва различимого шепота, который, казалось, вибрировал в самих досках стола:

— Он знает, Марта?

Марта медленно покачала головой. Она смотрела не на Стерна, а куда-то сквозь пространство, словно прислушиваясь к ритму далекого сердца.

— Нет, он не знает, — прошептала она, и её голос прозвучал мягко, почти нежно. — Он только почувствовал едва уловимый звон... Будто на дорогой фарфоровый бокал упала крошечная пылинка.

Она сделала паузу, и её взгляд внезапно стал жестким,

возвращаясь к Стерну.

— Ты ведь знаешь, что его тени не достают сюда, Стерн. Поэтому я здесь. Я — его единственные глаза, его единственные руки в этом «огороде».

Она встала, и её фигура в полумраке снова обрела ту пугающую военную выправку, которая выдавала в ней офицера тайной службы.

— Триста лет, Стерн... — прошептала она, и в этом шепоте послышался гул веков. — Триста лет мы ждем этого «звона». Триста лет я живу в тени, меняя имена и лица. Я торговала собой и своей честью, носила чужие имена, чужие лица, лишь бы выведать нужные секреты.

Она подняла глаза на кузнеца, и в них блеснула вековая усталость, смешанная с фанатичной преданностью. Марта подалась вперед, и её голос стал похож на рокот приближающейся бури:

— Мы все, Стерн... Ты понимаешь? Все мы выживали эти три столетия. Мы ждали, мы ломали себя, по крупицам меняли устои в удушающей тишине и в тени, которой нет конца. Ты гнул спину у наковальни, я торговала собой и своей честью, но время прятков вышло. Она просыпается. И этот процесс не остановить ни сажей, ни молитвами.

Марта схватила Стерна за руку, и её пальцы впились в его кожу, как стальные когти.

— Как бы мы ни прятались, Стерн, время пришло. Теперь у нас только два пути: либо мы сгорим в этом пламени все

до единого, либо мы напишем этот мир заново. По-другому уже не будет.

Стерн долго смотрел в её глаза, в которых отражалось пламя умирающей свечи. Он медленно кивнул, принимая этот приговор.

— Значит, пишем новый мир, — глухо отозвался он. — Или сгораем.

Марта резко выпрямилась и одним коротким движением пальцев погасила свечу. Тьма поглотила столовую, окончательно стирая границы между прошлым и будущим.

В наступившей тишине, где слышно было лишь тяжелое дыхание Стерна, его голос прозвучал надтреснуто, лишенный всякой генеральской мощи.

— Марта, — произнес он, и в темноте это имя прозвучало как молитва. — Когда ОНА узнает... мне не будет прощенья.

Он не видел лица Марты, но чувствовал её застывшее присутствие в паре шагов от себя.

Марта ответила не сразу. Её голос донесся из угла комнаты — холодный, трезвый и такой плотный, что он, казалось, вытеснял из столовой последние остатки воздуха. Она медленно шагнула из тени, и её силуэт на мгновение слился с темнотой, прежде чем она заговорила:

— Сталь не знает прощения, Стерн, — её голос прозвучал с пугающей уверенностью, от которой по спине пробежал холодок. — Она либо ломается под ударами молота, либо, проходя через пламя и ледяную воду, становится лишь

крепче. Тебе ли, не зная этого?

Она подошла почти вплотную, и в темноте её глаза сверкнули, как два лезвия, только что вышедших из закалки.

Марта положила руку на плечо Стерна, и её хватка была железной, лишенной всякой сентиментальности.

— Не ищи милости там, где ты сам выжигал всё человеческое ради высшей цели. Время сантиментов закончилось три столетия назад.

Она резко развернулась и вышла, оставив Стерна в звенящей тишине, где в воздухе всё ещё вибрировало слово «крепче», подобно звуку удара по самой качественной стали.

Глава 7. Под маской «Опала»

Я открыла глаза медленно, ожидая привычной тяжести в мышцах и липкого чувства усталости, которое всегда преследовало её после целого дня у горна. Но вместо этого я почувствовала странную, почти невесомую легкость.

Я выспалась так хорошо, как не высыпалась за все свои семнадцать лет. Это было настолько непривычно, что я на мгновение впала в ступор, просто прислушиваясь к собственному телу. Никакой ломоты в плечах, никакой головной боли от вечного запаха гари — только чистота и бодрость, от которой по коже пробегали бодрящие искорки.

Я осталась лежать, закинув руки за голову, и принялась неспешно разглядывать свою новую комнату.

В мягком утреннем свете всё выглядело иначе, чем вечером. Тонкая лепнина на высоком потолке теперь казалась застывшим кружевом, а изумрудные складки балдахина над кроватью переливались, как мох в лесу после дождя. Я скользила взглядом по изящным линиям шкафа, инкрустированного перламутром, и по серебряной раме зеркала, которая теперь не пугала меня, а манила.

Тишина комнаты была плотной и уютной. Здесь, в этом «сердце» дома Марты, я чувствовала себя в абсолютной безопасности, словно огромный город снаружи был лишь деко-

рацией к моему сну. Я разглядывала солнечные пылинки, танцующие в луче света, пробившемся сквозь тяжелые шторы, и ловила себя на мысли, что никогда раньше не замечала такой красоты в простых вещах.

Но за этой безмятежностью я начала улавливать нечто большее. Теперь, когда тело было полно сил, мои чувства обострились до предела. Я слышала, как где-то внизу, на кухне, звякнула посуда, и это был не просто звук — я почти физически ощутила вибрацию металла.

«Мир изменился, — подумала я, продолжая изучать узоры на обоях. — Или это я стала видеть его по-настоящему?»

Я еще несколько минут наслаждалась этим покоем, прежде чем за дверью послышались первые шаги.

Я потянулась, чувствуя, как каждая мышца тела, напитанная отдыхом, отзывается приятной гибкостью. Вставать с этой «облачной» кровати было настоящим испытанием — простыни казались слишком мягкими, а подушки — слишком уютными, чтобы просто так их оставить. Мне хотелось зарыться в них поглубже и забыть о том, что за дверью меня ждет чужой и опасный город.

Но привычка к дисциплине, вбитая годами работы в кузнице, взяла верх. Я неохотно откинула одеяло и босыми ногами коснулась ворсистого ковра.

Я подошла к креслу, где лежало мое небесное платье. Ткань скользнула по телу, подчеркивая каждую линию, и я на мгновение замерла перед зеркалом, поправляя ворот. Я не

стала заплетать тугую косу — просто расчесала свои густые черные волосы, позволив им тяжелым водопадом лежать на плечах. Без сажи, в этом светлом наряде, я выглядела так, будто сошла со страниц тех самых книг, которые когда-то обсуждали.

Я не могла просто так спуститься к завтраку, даже если шелк платья уже приятно обнимал тело. Привычка к чистоте, которая вчера стала для меня настоящим откровением, требовала завершить утренний ритуал.

Я прошла в ванную комнату, где утренний свет мягко преломлялся в серебряной раме зеркала. Вчерашние ароматы магических баночек и глиняных горшочков всё еще витали в воздухе, смешиваясь со свежестью наступающего дня. Я открыла кран, и звук бегущей воды отозвался в голове чистой, высокой нотой — я всё еще не привыкала к тому, как остро теперь реагирует на металл.

Я набрала в ладони прохладную воду и плеснула себе в лицо. Ощущение было восхитительным: вода словно смывала последние остатки сна и ту неопределенность, что пугала накануне. Кожа под пальцами была гладкой, как отполированный мрамор, и я невольно задержала руки у лица, прислушиваясь к своим ощущениям.

Взяв одну из баночек Марты — ту, что пахла утренней росой, — я коснулась кремом скул. Крем мгновенно растаял, оставляя после себя ощущение легкого холодка и невероятной свежести.

На меня смотрела девушка, в которой больше не осталось ничего от того измазанного сажей подмастерья. Влажные пряди у висков, сияющая кожа и этот глубокий, ярко-небесный взгляд — я видела перед собой кого-то, кто был готов не просто выйти в город, а встретить его вызов лицом к лицу. Я вытерла лицо мягким полотенцем, в последний раз поправила ворот небесного платья и, чувствуя себя полностью обновленной, решительно направилась к выходу.

Я переступила порог столовой, и легкий гул утренних разговоров мгновенно стих. Я чувствовала себя непривычно живой, словно каждая клеточка тела пела от избытка сил.

Отец, Лана и Лия замерли, ослепленные моей свежестью. Но только Марта, стоявшая у окна с чашкой дымящегося кофе, не шевельнулась. Её спина, прямая как лезвие меча, напруглась.

Марта медленно повернулась. Её глаза впились в моё лицо с такой силой, что мне на мгновение стало трудно дышать.

— Садись, — голос Марты прозвучал непривычно глухо, в нем не было вчерашнего сарказма, только холодная сосредоточенность офицера, увидевшего брешь в обороне.

Стерн медленно отложил нож, и звук металла о фарфор в наступившей тишине прозвучал как выстрел. Он поднял голову, и я увидела, что его глаза, обычно теплые и спокойные, превратились в два застывших куска стали. Его мощь сейчас давила на присутствующих, заставляя воздух в столовой казаться тяжелым.

— Послушайте меня все, — начал он, и его голос, низкий и вибрирующий, не допускал возражений. — Сегодня вы слушаете Марту так, будто она — это я, — отчеканил он, и его взгляд поочередно впился в каждую из дочерей.

Он перевел взгляд на Марту, которая стояла у окна. В воздухе между ними повисла пауза, настолько плотная, что её, казалось, можно было коснуться рукой. В этот миг состоялся немой диалог, понятный только им.

— Сегодня вы посетите торговые ряды и Храм, — продолжил отец, и в его голосе прозвучало мрачное предостережение. — Не отходите от Марты ни на шаг, как бы ни блестяли витрины с шелками, тканями и бижутерией.

— Папа, — Лана чуть склонила голову набок, и её любопытный взгляд замер на суровом лице отца, — а ты? Что ты будешь делать, пока мы будем с Мартой? Ты разве не пойдешь с нами посмотреть город?

— У меня свои дела, Лана, — голос отца прозвучал низко и гулко, как удар молота по наковальне в пустой кузнице.

Лана ответила едва слышно, и её голос, обычно такой звонкий и беззаботный, сейчас дрогнул, подстраиваясь под тяжелую атмосферу комнаты:

— Хорошо, пап, мы будем осторожны.

Она опустила глаза, и это было первое проявление взрослой покорности, несвойственной её живому нраву. Отец ничего не ответил, лишь на мгновение положил свою огромную, мозолистую ладонь ей на плечо — жест, который был

одновременно и благословением, и прощанием перед боем.

— «Осторожны» — это слово для тех, кто боится испачкать туфли, — отчеканила она, и в её голосе зазвучал глубокий, вибрирующий рокот.

Марта обвела нас взглядом.

— Я пойду принесу нам плащи, — сухо бросила она, разворачиваясь на каблуках.

Отец медленно поднялся из-за стола, его массивная фигура на мгновение загородила свет. Он не смотрел на нас, его взгляд был прикован к удаляющейся спине Марты.

— А я пойду дам Марте денег на ваши покупки, — глухо произнес он. — Торговые ряды не любят пустых кошельков.

Он вышел вслед за ней, прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

Мы остались сидеть в столовой одни. Тишина, наступившая после ухода взрослых, была неестественной, почти осязаемой. Лана и Лия сидели неподвижно, боясь даже прикоснуться к своим чашкам.

— Тебе не кажется, что они ведут себя... странно? — шепотом спросила Лана, глядя на меня. — Как будто мы идем не за лентами и платьями, а на секретное задание.

Я медленно перевела взгляд на сестру, и натянула на лицо привычную, успокаивающую маску старшей сестры.

— Возможно, они просто переживают, что мы впервые в городе, — тихо ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. — Мы же всю жизнь жили в деревне, Лана. Для них

этот город — привычка, а для нас — дремучий лес, где за каждым углом может быть яма.

Я протянула руку и слегка коснулась пальцев Ланы, которые нервно теребили край салфетки.

— Отец всегда был таким... основательным. А Марта просто хочет, чтобы мы не выглядели как легкая добыча для местных лавочников. Не накручивай себя.

Лия кивнула, явно желая верить в это простое объяснение — Давайте просто доедим, — добавила я, возвращаясь к своей тарелке. — Скоро они вернутся, и нам нужно быть готовыми.

В столовой снова воцарилась тишина, но теперь она была наполнена ожиданием. Каждая из сестер думала о своем: Лана — о блестящих витринах, Лия — о безопасности, а я — о том, какой на вкус этот «столичный яд», о котором так часто упоминала Марта.

За дверьми...

Пока девочки обменивались тревожными шепотами в столовой, за тяжелой дубовой дверью время будто замедлилось. Стерн и Марта стояли в полумраке коридора, где пахло старым деревом и едва уловимым озоном от её присутствия.

Стерн медленно вытянул из-за пазухи увесистый кожаный кошель, но не спешил отдавать его. Он смотрел на Марту в упор, и в этом взгляде было столько боли, сколько не выдер-

жал бы ни один смертный.

— Здесь золото, — Стерн вложил кошель в её бледную руку. — Купи им всё, что они захотят. Пусть Лана и Лия наберут себе этих лент и безделушек, пусть их головы будут заняты шелком.

Он сделал паузу, и его взгляд стал пугающе острым.

— И да... не забудь про старика Хельга. Зайди к нему в лавку, узнай как у «него» дела. Только аккуратно, Марта. Сделай всё так, чтобы девочки ничего не поняли. И особенно... чтобы Несс ничего не заподозрила.

Стерн на мгновение замолчал, его челюсть плотно сжалась. Он обернулся на закрытую дверь столовой, за которой сидела его дочь, и добавил с горечью в голосе:

— И еще... её глаза. Ты видела их сегодня утром? Они сияют так, что никакой капюшон не спасет. Сделай что-нибудь...

Марта резко выдернула руку из его захвата, и в полумраке коридора её глаза хищно блеснули. В этот миг на её лице проступила дикая, звериная злость.

— Не беси меня, Стерн, — сказала она, и её голос стал похож на шелест выползающей из тени змеи. — Иначе в твоей еде случайно окажется «мой сюрприз», и поверь, на этот раз ты не отделаешься простой изжогой.

Она подошла к нему вплотную, так что Стерн почувствовал исходящий от неё запах горького миндаля и могильного холода. Её губы искривились в ядовитой усмешке.

— Я позаботилась о её глазах, ещё когда ты с утра выходил из нужника в Брин-Мире, — отчеканила она. — Думаешь, я зря добавила «Опал Теней» в её баночку с кремом?

Стерн на мгновение опешил. Он нахмурился, и в его глазах отразилось искреннее замешательство человека, который понимает в ковке мечей, но ничего не смыслит в женских хитростях.

— В баночку? — переспросил он, недоверчиво качнув головой. — А если она не пользовалась им? Если она решила сегодня вообще не трогать твои притирки?

Марта замерла. Она закатила глаза с такой силой, будто они сейчас лопнут от ярости, а её лицо на мгновение исказилось. Она подалась вперед, сокращая расстояние между ними до дюйма, и прошипела это прямо ему в лицо:

— Стерн, снулья ты трещина! — её голос вибрировал. — Неужели ты думаешь, что я оставила бы это на волю случая? Я добавила «Опал» во все баночки и склянки в её комнате! В крем для лица, в масло для волос, даже в воду для умывания!

Она хищно прищурилась, и её губы задрожали от гнева.

— Пока она просто «приводила себя в порядок», она впитывала маскировку каждой порой своей кожи. Сейчас она могла бы окунуться в чан с кислотой, и «Опал» всё равно держал бы её облик. Пока ты махал молотом, Стерн, кажется, окончательно отшиб себе остатки сообразительности!

Она рывком отстранилась от него, поправляя воротник.

— Хватит задавать идиотские вопросы. Плащи надеты,

зелье работает. Если мы не выйдем сейчас, я сама превращу тебя в «снулую трещину» прямо здесь, в этом коридоре.

* **Снулый**— ходячий мертвец, порождение Мрети, пустая оболочка. «Снуля трещина» — ругательство, означающее крайнюю степень никчёмности, дефект даже по меркам нежити.

Глава 8. Порог Кер-Моранта

8.1. Тени на крышах

Тяжелая дубовая дверь столовой наконец распахнулась, и в комнату вошли Марта и Стерн. Я сразу почувствовала, как изменилось напряжение в воздухе. Если до этого в доме царило гнетущее ожидание, то теперь оно сменилось ледяной готовностью к действию.

Марта больше не напоминала экономку. Её движения стали быстрыми и точными, а взгляд глаз — немигающим. Отец же шел следом, хмурый и сосредоточенный, словно он только что запечатал в коридоре часть своей души.

— Встать! — скомандовала Марта, и Лана с Лией испуганно подпрыгнули на своих местах. — На сборы было достаточно времени.

Она подошла ко мне и, не говоря ни слова, накинула мне на плечи тяжелый серый плащ. Её бледные руки на мгновение задержались у горла, застегивая массивную фибулу.

После того как фибула с негромким щелчком застегнулась, Марта не отстранилась. Она на долю секунды замерла,

удерживая пальцы у моего горла, и заглянула прямо в глаза.

Она смотрела на меня так пристально, будто пыталась найти что-то в самой глубине моих глаз. Казалось, она проверяла на прочность каждую черту моего лица или искала внутри меня что-то. В этом взгляде читалось не просто любопытство — Марта словно вглядывалась в мою душу, пытаясь найти чему-то подтверждение.

Марта резко оборвала контакт, отстранившись так внезапно, что я едва не качнулась вперед, теряя невидимую опору. Она стремительно развернулась, и полы её тяжелого плаща хлестнули по воздуху, словно крылья огромной ночной птицы.

Она с силой толкнула тяжелую дубовую дверь, ведущую к кухонному выходу. Петли не издали ни звука — Марта не терпела лишнего шума.

В проеме показали темные, узкие переулки, зажатые между высокими стенами домов. Сверху, едва пробиваясь сквозь нависшие крыши лился слабый солнечный свет, возвещающая о наступлении холодного столичного утра.

Этот свет не приносил тепла; он лишь подчеркивал сырость камня и сырость мостовой, по которой нам предстояло идти. Город просыпался неохотно, окутанный тяжелым запахом озона и мокрой пыли.

Марта шла впереди, и её фигура казалась текучей тенью. Она не сбавляла темпа, но я кожей чувствовала её неослабевающее внимание: Она контролировала каждый наш вдох.

Время от времени Марта резко оборачивалась, бросая быстрый, колючий взгляд назад, чтобы убедиться, что мы не отстаем и плотно держимся в её фарватере.

Лана и Лия жалась друг к другу, едва поспевая за ней. Высокие, мрачные фасады домов в утренних сумерках напоминали застывших великанов, готовых в любой момент сомкнуться над их головами.

— Не растягиваться, — бросила Марта, и её голос под капюшоном прозвучал как щелчок кнута. Она снова оглянулась, её глаза на мгновение вспыхнули, проверяя дистанцию.

Впереди переулок сузился до такой степени, что идти можно было только по одному. Запах озона стал резким, почти осязаемым, перебивая вонь столичной гари.

Марта внезапно замерла, повернулась к нам и резко подняла голову, вглядываясь в острые края крыш, которые вонзались в серое небо столицы. Ее капюшон сполз назад, обнажая профиль, и я увидела, как расширились ее глаза. Там, на высоте, среди дымоходов и крыш, что-то изменилось.

Марта стояла неподвижно, её голова была запрокинута так сильно, что жилы на шее натянулись. Она что-то высматривала там, среди острых шпилей и крыш домов.

Она еще несколько секунд сканировала взглядом края крыш, будто читала невидимые письма на камне, а затем её плечи резко опустились. Она медленно опустила голову, и на её лицо снова вернулась маска суровой непроницаемости.

— Пойдемте, девочки, — негромко, но властно произнес-

ла она, и в её голосе послышался сухой металлический лязг. — Здесь больше не на что смотреть.

Она резко развернулась, и полы её плаща хлестнули по сырому воздуху, разрезая туман. Лана и Лия испуганно переглянулись — они так и не поняли, что напугало Марту наверху, но спорить не решились. Я же, прежде чем последовать за Мартой, еще раз бросила быстрый взгляд наверх.

Мне показалось, что тень мужчины с белыми глазами внимательно следит за нами, не шевелясь и почти сливаясь с серым камнем домов.

Я сморгнула наваждение и посмотрела на наш мини «патруль» в коридоре домов и пошла вслед за сестрами и Мартой.

Мы нырнули в очередной узкий лаз между домами. Я шла, вжав голову в плечи, но чувство, что белоглазая тень парит где-то над ними, перескакивая с крыши на крышу в абсолютной тишине, не покидало меня.

Марта вела нас к Храму но этот путь не имел ничего общего с широкими паломническими проспектами. Она выбирала особые пути.

Мы ныряли в глубокие подворотни, где стены были покрыты слоями старых объявлений и копоты. В какой-то момент Марта остановилась перед глухой кирпичной стеной, коснулась едва заметной щербины своими пальцами, и часть кладки бесшумно ушла вглубь, открывая проход в узкую, вибрирующую от жара техническую галерею.

— Это «кишки» города, — коротко бросила она, увлекая

их за собой. — Здесь проходят паровые магистрали и жилы магического снабжения Академии.

Лана и Лия синхронно замерли, их глаза округлились от смеси восторга и первобытного ужаса. Они во все глаза разглядывали переплетения раскаленных труб и пульсирующие магические жилы, которые походили на внутренности огромного, тяжело дышащего зверя. Лана инстинктивно прижала ладони к щекам, боясь даже вздохнуть, чтобы не обжечься об этот гудящий воздух.

Я же стояла абсолютно неподвижно. В отличие от сестер, я не выглядела испуганной или удивленной. Я воспринимала эту информацию так, будто Марта просто подтвердила мои собственные догадки. Я слегка склонила голову набок, прислушиваясь к низкочастотному гулу металла. В моем сознании этот хаос труб почему-то стал выстраиваться в четкую, понятную схему. Я чувствовала ритм давления внутри магистралей и видела, как магия течет по ним, словно кровь.

Марта мельком взглянула на реакцию девочек и её взгляд на секунду дольше задержался на спокойном моем лице.

— Ты не дрожишь, — сухо заметила Ведьма, и в её голосе проскользнула нотка холодного одобрения. — Твои сестры видят здесь монстра, а ты, кажется, видишь чертеж.

— Это просто работа металла, Марта, — тихо ответила я, не отводя взгляда от пульсирующей трубы над головой. — Громкая, тяжелая, но... предсказуемая.

— Предсказуемая? Хм — Марта издала короткий, едкий

смешок. — Посмотрим, скажешь ли ты это, когда мы дойдем до Сердца Храма. Там металл перестает подчиняться логике и начинает подчиняться воле. Идемте, времени на осмотр достопримечательностей нет.

Техническая галерея закончилась так же внезапно, как и началась. Марта толкнула очередную незаметную дверь, и на нас обрушилась тишина. Но это была не та уютная тишина спальни, а тяжелая, многовековая тишина Храма.

8.2. Храм Первородных

Мы оказались за алтарной частью. Огромное пространство храма уходило вверх, теряясь в тени исполинских сводов. Свет пробивался сквозь витражи, но он был странным — не золотым, а лазурным.

— Смотрите, но не трогайте, — шепнула Марта, и её голос эхом разлетелся под куполом. — Местные служители — не те добродушные старики, что рассказывают сказки в Брин-Мире. Они считают каждое пятнышко на этом мраморе личным оскорблением своим богам. Коснетесь не того камня — и их инквизиторы обломают вам пальцы быстрее, чем вы успеете извиниться. Для них прикосновение чужака — это скверна, которую смывают только кровью или долгими годами отработки в подземельях.

Я увидела, как Лана инстинктивно спрятала руки в широкие рукава платья, а Лия прижала ладони к груди. Марта была серьезна как никогда.

— Держитесь меня, — отрезала Марта, и в её голосе лязгнула сталь. — Идите след в след и не вздумайте заговаривать со служителями. Они слишком фанатичны.

Она бросила короткий, предупреждающий взгляд на Лану, которая уже открыла рот, чтобы что-то спросить.

— Для них любое слово, произнесенное не в молитве, — это шум, который пачкает тишину их богов. А они очень не

любят, когда их святыню пачкают.

Марта первой ступила на зеркально гладкие плиты центрального нефа. Мы двинулись за ней, стараясь ступать как можно тише, но звук наших шагов всё равно казался мне оглушительным в этой мертвенной тишине.

Мы вышли из тени колонн, и я невольно прищурилась. Храм был наполнен холодным лазурным светом, в котором фигуры служителей казались почти неземными. На них были длинные рясы ослепительно белого цвета, сшитые из тяжелой, плотной ткани, которая не давала ни единой складки при движении. Этот белый цвет был неестественным, хирургически чистым, словно ткань вымачивали в лунном свете, вытравливая из неё самую возможность испачкаться.

Но по-настоящему пугали их лица. Точнее то, что их заменяло.

Серебряные маски полностью закрывали головы служителей. Это не были простые стальные пластины — это были шедевры ювелирного искусства, покрытые невероятно сложными витиеватыми узорами. Тончайшая чеканка переплеталась в бесконечные спирали, которые, казалось, медленно двигались, если смотреть на них слишком долго. Узоры напоминали одновременно застывшие разряды молний и переплетения вен, сходящихся к центру лба, где серебро было отполировано до зеркального блеска.

В масках не было прорезей для глаз или ртов. Гладкий, холодный металл с затейливой гравировкой делал их похо-

жими на драгоценные изъяния. Они не шли, а словно скользили по мрамору. В этом беззвучном движении белых одежд и мягком блеске серебра не было угрозы — напротив, от них исходило странное, обволакивающее благоговение.

В какой-то момент мне показалось, что всё вокруг замерло. Весь шум мира, все мои страхи и даже тяжелое дыхание Стерна в кузнице, которое, казалось, всегда преследовало меня, — всё это растворилось. В храме воцарилась абсолютная тишина. И в этой тишине что-то внутри меня — то, что я не могла назвать, — вдруг замерло. Как будто узнало это место.

Я инстинктивно потянулась своим новым внутренним чувством к ближайшему служителю, ожидая услышать «голос» металла, из которого была выкована его маска. Я хотела знать о чем «думает» сталь. Но здесь я наткнулась на глухую стену.

Я не смогла почувствовать металл.

Серебро масок молчало. Оно не вибрировало, не отзывалось, словно это был не металл вовсе, а застывший свет или некая материя, не принадлежащая этому миру.

Маски были прямо предо мной, я видела каждый виток узора, но для моего внутреннего зрения они оставались пустотой, абсолютным ничем.

Это пугающее безмолвие заставило меня замереть. Мой дар, который пробудился лишь недавно в отцовской кузнице — там, среди искр и жара, когда я впервые «услышала» рож-

дение меча, — здесь внезапно наткнулся на пустоту. Я только начала привыкать к этому новому, странному чувству, к тому, что металл может быть живым... и вот, в самом сердце города, он вдруг замолчал. Я ощутила себя слепцом, который только что прозрел, но тут же был брошен в абсолютную тьму.

— Они закрыты для всех, — едва слышно прошептала Марта, заметив мое замешательство. Она даже не повернула головы, продолжая идти вперед. — Не пытайся пробиться сквозь их щиты, Нессира. В этом Храме даже материя имеет веру.

Мы миновали ряд безмолвных служителей и вышли на открытое пространство перед главным алтарем. Здесь тишина храма стала почти осязаемой, а потолок уходил так высоко ввысь, что казалось, будто звезды на фресках — настоящие.

Прямо перед нами, возвышаясь над всем миром, застыли две исполинские статуи.

Они были высечены из цельных глыб редчайшего белого камня, который мягко светился изнутри. Король и Королева стояли во весь рост в своих роскошных королевских нарядах, воссозданных в камне с пугающей точностью. Каждая складка тяжелой мантии Короля, каждый узор на его парадном доспехе казались настоящими, живыми.

Но мое сердце пропустило удар, когда я посмотрела на Королеву. Она была просто изумительно красива — настолько, что я на мгновение остолбенела, забыв, как дышать. В

её чертах не было ничего от земных женщин; это была красота самого рассвета, холодная и совершенная. Тонкий нос, высокие скулы и губы, застывшие в едва заметной, мудрой улыбке. Даже в камне её взгляд казался живым, наполненным такой силой и изяществом, что я не могла отвести глаз. Под лазурными лучами храма её белое одеяние мягко мерцало, и в этом сиянии она казалась не статуей, а видением, сошедшим с небес.

Я замерла, вглядываясь в лицо каменной Королевы, и вдруг почувствовала, как по телу прошла ледяная волна. В какой-то миг мир вокруг меня окончательно смолк. Я смотрела на её высокие скулы, на линию подбородка и форму губ, мне — то ли от игры лазурного света, то ли от странного тумана в голове — показалось, что в её чертах есть что-то до боли знакомое. Будто я смотрю в искажённое зеркало.

Я зажмурилась, тряхнула головой, прогоняя это наваждение. Это просто статуя. Просто древний камень. Когда я снова открыла глаза, Королева всё так же неподвижно взирала на пустой зал.

— Не стой столбом, — шипение Марты у самого уха заставило меня вздрогнуть.

— Кланяйся, живо. Если хочешь дожить до обеда, стань частью этой толпы.

Я опустилась на колени, подражая сестрам, и коснулась лбом холодного мрамора пола. Камень под моими ладонями вибрировал — низко, почти неощутимо, словно где-то глу-

боко под Храмом работало огромное стальное сердце.

Удивительно, но вопреки моим страхам, в этот момент я почувствовала невероятное облегчение. Весь тот груз, который давил на меня с самого въезда в город, весь шум и тревога вдруг отступили. Здесь, в Храме, мне стало дышаться намного легче, чем на пыльных улицах снаружи. Это было то же самое чувство безмятежного покоя, которое я видела на лицах сестер — как будто стены Храма не впускали внутрь ничего дурного, оберегая нас.

— Вставайте, — скомандовала Марта спустя вечность, которая на самом деле длилась пару секунд. — Уходим. Здесь нельзя задерживаться.

Мы поднялись. Лия и Лана выглядели одухотворенными, их лица светились миром. Я поймала себя на мысли, что мне совсем не хочется уходить из этой лазурной тишины. Мы направились к боковому выходу, и когда я в последний раз обернулась, величественные статуи всё так же безмолвно взирали на зал. Но то мимолетное чувство родства и странная легкость в груди остались со мной, словно Храм подарил мне часть своей силы.

Воздух снаружи тут же ударил в лицо, напоминая о реальности: запах нагретого камня, жареного мяса и конского помета. Тишина Храма мгновенно сменилась многоголосым гулом столицы, и я невольно поморщилась — мир снова стал слишком громким и тесным.

— Не отставать, — бросила Марта, когда мы покинули

террасу.

Вместо того чтобы спуститься по широкой центральной лестнице, куда валом валил народ, она резко свернула в узкий проем между двумя массивными пристройками Храма. Мы снова нырнули в тень.

8.3. Второй уровень

Марта вела нас особыми путями, и эти безлюдные переулки напоминали мне сонный город, застывший в вечном ожидании. Здесь царила странная, глубокая тишина, которую не решались нарушить даже звуки столицы, доносившиеся откуда-то сверху, словно через слой ваты. Было такое чувство, будто в этих каменных лабиринтах давно никто не жил, а сами дома будто хранили какую-то древнюю тайну, о которой живые уже успели позабыть.

Эти улицы казались мне изнанкой реальности — местом, где время замедлилось, но не остановилось. Несмотря на тишину, я кожей чувствовала, что мы здесь не одни.

— Здесь живут люди, — не оборачиваясь, почти неразличимым шепотом произнесла Марта. — Они всё видят и всё знают. Они наблюдают из своих домов, затаившись за этими закрытыми ставнями и глухими дверями. Они — глаза и уши Кер-Моранта, о которых не пишут в летописях.

Я невольно подняла взгляд на одно из окон. Мне показалось, что тяжелая занавеска едва заметно дрогнула, а из темноты проема на меня на мгновение сверкнул внимательный, немигающий взгляд. В этих переулках каждый камень был свидетелем, а каждая тень — доносчиком.

— И поверьте, — добавила Марта, ускоряя шаг, — их молчание стоит дороже, чем крики на главной площади. По-

ка мы просто тени для них, мы в безопасности.

Мы проскользнули через низкую арку, занавешенную тяжелыми, ржавыми цепями, которые глухо зазвенели, задевая мои плечи. Этот звук показался мне сигналом, оповещающим невидимых жильцов о нашем уходе. В ту же секунду мы оказались на небольшом балконе...

Мы с сестрами одновременно ахнули, не в силах сдержать изумления. Перед нами открылись Торговые ряды, но это было совсем не то, что я ожидала увидеть. Здесь не было привычного рыночного хаоса, грязи под ногами или оглушительных криков зазывал.

Все было идеально.

Ряды тянулись стройными, безупречно ровными линиями, словно полки в королевской библиотеке. Павильоны из светлого камня и темного дерева стояли один к одному — четко, лаконично, без единой лишней детали. Вместо пестрых тряпичных навесов — строгие навесы из дорогой плотной ткани благородных цветов.

Витрины сияли так ярко, что отражали небо города; за толстыми стеклами, в идеальном порядке и на бархатных подложках, покоились товары. Все было расставлено с такой аккуратностью, будто к каждой вещи прикасались в перчатках. Никаких гор хлама — только штучные, редкие вещи, каждая из которых подчеркивала лоск и высочайший статус этого места.

Тишина здесь тоже была особенной. Вместо базарной ру-

гани — лишь негромкий гул вежливых разговоров, шорох шелка и едва слышный звон дорогого металла. Торговцы не орали, пытаясь перекричать друг друга, а стояли за своими прилавками с достоинством гвардейцев, ожидая, когда покупатель сам соизволит обратить на них внимание.

— Это не рынок, — прошептала Лана, во все глаза глядя на сияющие ряды. — Это какая-то сокровищница.

Я чувствовала, как этот порядок давит и одновременно восхищает. Здесь всё подчинялось закону и статусу. Кер-Морант не просто продавал вещи — он демонстрировал своё превосходство в каждой сияющей витрине и каждой четкой линии этих торговых кварталов.

Мы все еще стояли на балконе, замороженные этим ледяным блеском совершенства, когда Марта сделала шаг вперед и оперлась руками о каменные перила. Её взгляд был направлен не на витрины, а куда-то глубже.

— Не обольщайтесь этим блеском, — тихо произнесла она, и её голос прозвучал как холодный душ. — То, что вы видите сейчас — это лишь фасад. Первый уровень.

Она обвела рукой сияющие павильоны и вежливых покупателей в дорогих плащах.

— Здесь торгуют статусом. Здесь покупают шелка, редкие пряности и безделушки, которые приятно выставить на каминную полку. Это место для тех, кто хочет казаться важным, и для тех, чьи кошельки слишком тяжелы от золота, а головы — от праздности. Здесь всё на виду, всё законно и...

предсказуемо.

Марта сделала паузу, и её глаза на мгновение сверкнули в тени капюшона.

— Но есть ещё и второй уровень. Он не спрятан под землю, он здесь, совсем рядом. Но вы не найдете его на карте и не увидите с этого балкона. Он находится за определенной дверью, мимо которой тысячи людей проходят каждый день, даже не догадываясь о её существовании. Туда не ведут широкие лестницы, и там не сияют витрины для праздных зевак...

Она едва заметно поправила перчатку на правой руке.

— Доступ туда открыт лишь немногим избранным. Тем, кто знает пароль, или тем, чье лицо само по себе является ключом. На этом уровне торгуют тем, о чем на поверхности боятся даже шептаться: истинной силой, древними секретами и запретными артефактами.

Я посмотрела на Марту. В её осанке, в том, как она уверенно говорила об этом закрытом мире, читалось нечто большее, чем просто знание города. Было очевидно: она — одна из тех, кому этот доступ открыт. Она была частью той элиты, что имела право перешагнуть порог этой тайной двери.

— Первым делом мы отправимся именно туда, — отрезала она. — У меня есть там своё дело, которое не терпит отлагательств. И вы идете со мной — все вместе. Я не оставлю вас одних в этом городе даже на минуту, а там, за «второй

дверью», вам лучше вообще не открывать рта.

Я увидела, как Лана побледнела, а Лия инстинктивно поправила воротник платья. Идея идти в место, которое Марта только что назвала опасным, пугала их. Но во мне, вопреки страху, проснулось жгучее любопытство. Мой дар, затихший в «сонном городе», снова отозвался глухой вибрацией где-то под ребрами.

— А уже после, — добавила Марта, заметив наш испуг, — когда я закончу, мы вернемся на первый уровень. Вы получите свои ткани, проведете время среди этого лоска и купите всё, что вам приглянется. Считайте это наградой за терпение.

Она больше не ждала вопросов. Марта стремительно направилась к неприметной железной двери в углу балкона, которая казалась частью каменной стены. Она достала из складок плаща тяжелый медный ключ странной формы.

— Держитесь за моей спиной, — бросила она через плечо. — И что бы вы там ни увидели — не подавайте вида.

Она жестом велела нам следовать за ней. Мы начали спускаться с балкона по узкой, винтовой лестнице, скрытой в толще стены. С каждым шагом сияние Торговых рядов оставалось всё выше, а звуки богатого рынка становились тише. Мы свернули в длинный, окутанный полумраком проулок между двумя величественными зданиями. Здесь пахло старым камнем и чем-то неуловимо горьким.

Мы шли вглубь этого поворота, пока не уперлись в тупик.

Прямо перед нами, в стене, словно вросшая в кладку, виднелась дверь.

Она не была похожа на парадные входы Храма или сверкающие витрины рынка. Тяжелая, обитая листами темного, почти черного металла, она не имела ни вывески, ни ручки. Только небольшое, забранное решеткой окошко на уровне глаз и едва заметное отверстие для ключа.

Марта подошла к ней вплотную. В этом узком пространстве её фигура казалась еще более внушительной.

— Помните, что я сказала, — бросила она, не оборачиваясь. — Не смотреть по сторонам и не задавать вопросов. Для этого места вы — просто тени, которые я привела с собой.

Марта подошла к двери вплотную, почти касаясь её лбом. На мгновение она замерла, словно настраиваясь на ритм, понятный лишь ей одной. Затем она подняла руку и постучала в эту дверь три раза с особыми интонациями.

Первый удар был резким и коротким, второй — едва слышным, смазанным, словно случайное касание, а третий — тяжелым и гулким, отозвавшимся в самой глубине каменной кладки. Это не был просто стук; это был звуковой код, ключ, выкованный из пауз и силы удара.

В узком проулке повисла давящая тишина. Мы с сестрами затаили дыхание. Я видела, как Лана вцепилась в край своего плаща, а Лия напряженно всматривалась в маленькое решетчатое окошко.

8.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.